

ПОДСОЗНАТЕЛЬНОЕ, КАКЪ ЖИЗНЕННЫЙ ФАКТОРЪ¹⁾.

(Опытъ психологическаго истолкованія литературныхъ типовъ.)

Ө. Лаврецкій.

1. Его подсознательная сфера.

Образъ Лаврецкаго разработанъ авторомъ съ необыкновенной тщательностью. Особенно много потрудился авторъ надъ тѣмъ, чтобы вскрыть ту почву, изъ которой выросъ Лаврецкій. Для этой цѣли не только изображено со всѣми подробностями воспитаніе Лаврецкаго, но и дана обстоятельная характеристика предковъ его, начиная съ прадѣда. Весь этотъ матеріаль для насъ въ высшей степени цѣненъ, потому что благодаря ему представляется полная возможность вскрыть подсознательную сферу Лаврецкаго. Задача эта становится особенно интересной вслѣдствіе того, что въ данномъ случаѣ мы располагаемъ обстоятельными свѣдѣніями объ условіяхъ наслѣдственности нашего героя. Роль наслѣдственности въ подготовкѣ нашей подсознательной сферы не подлежитъ никакому сомнѣнію. Весьма красиво и образно говорить объ этой роли Метерлинкъ въ своемъ «Сокровищѣ смиренныхъ». — «Мы знаемъ, что мертвые не умираютъ, что они живутъ во всѣхъ нашихъ домахъ и привычкахъ, а не около церквей; что ни одно движеніе, ни одна мысль, грѣхъ, слеза или атомъ приобрѣтеннаго сознанія не гибнетъ въ глубинахъ земли, и что при самомъ незначительномъ нашемъ поступкѣ поднимаются наши предки не изъ могилъ, гдѣ они лежатъ неподвижно, а въ глубинѣ насъ самихъ, гдѣ они живутъ всегда» (т. III, стр. 85). Таково, по мнѣнію Метерлинка, «могущество умершихъ». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о власти прошлаго. «Прошлое кажется намъ столь же значительной и несокрушимой силой, какъ и судьба. Оно и есть судьба, дѣйствующая позади насъ и протягивающая руку судьбѣ, дѣйствующей впереди. Оно передаетъ ей по-

¹⁾ См. № 2 «Пед. Вѣстн.».

слѣднее звено нашихъ цѣпей. Оно толкаетъ насъ впередъ съ тою же непобѣдимой грубостью, какъ будущее тянетъ за собою» (т. IV, стр. 112). Впрочемъ, самъ Метерлинкъ ограничиваетъ свою мысль о непобѣдимой силѣ прошлаго, указывая на то, что «наше прошлое всецѣло зависитъ отъ нашего настоящаго — и находится съ нимъ въ непрерывной смѣнѣ; оно немедленно принимаетъ форму сосудовъ, въ которыхъ хранить его наша настоящая мысль. То, что имѣетъ для каждаго изъ насъ значеніе въ прошломъ, намъ отъ него остается, — исходить отъ насъ самихъ, это не совершившіяся дѣла или пережитыя приключенія, а нравственныя реакціи, которыя производятъ на насъ въ этотъ моментъ прошедшія событія; это — внутреннее существо, которое они помогли образовать; эти же реакціи, создающія близкое намъ верховное существо, всецѣло зависятъ отъ того, какъ мы смотримъ на минувшія событія. Онѣ измѣняютъ свой видъ, смотря по нравственному матеріалу, который онѣ въ насъ находятъ» (т. IV, стр. 114). Итакъ, все дѣло въ энергіи нашего нравственнаго сознанія, которому должно подчиняться и наше прошлое, и настоящее, и будущее, и которое, составляя основное ядро нашей личности, руководитъ ея ростомъ и развитіемъ. Эта истина подтверждается и анализомъ личности и жизненной судьбы Лаврецакаго. Предки Лаврецакаго, ихъ взгляды и настроенія, идеалы и вообще ихъ внутренній міръ для насъ интересны постольку, поскольку они создали тѣ подсознательныя внушенія, въ атмосферѣ которыхъ развился нашъ герой со всѣмъ строемъ своего жизнепониманія. Такъ какъ въ міровоззрѣніи Лаврецакаго существенное значеніе имѣютъ этическіе и національные элементы, то необходимо выяснить, что въ этомъ отношеніи было подготовлено его предками.

Предъ нами три представителя рода Лаврецкихъ: прадѣдъ Федора Ивановича — Андрей, дѣдъ Петръ и отецъ Иванъ. Жизнь и личность прадѣда напоминаетъ бурное теченіе горной рѣки, которая стремительно мечется отъ одного скалистаго берега къ другому. Это былъ человекъ рѣзкихъ, стихійныхъ душевныхъ порывовъ, не знавшій удержу ни въ чемъ, свободный отъ какихъ-либо культурныхъ уздъ, навыковъ и стремленій. «До нынѣшняго дня не умолкала молва объ его самоуправствѣ, о бѣшенномъ его нравѣ, безумной щедрости и алчности неутолимой» (233 стр.). Эти крайности и противоположности въ душевныхъ проявленіяхъ говорятъ о широкой амплитудѣ душевнаго размаха, объ избыткѣ и напорѣ внутреннихъ силъ, какъ бы ищущихъ пути для своего выхода, но за отсутствіемъ культуры не встрѣчающихъ правильнаго

русла для болѣе спокойнаго и плодотворнаго теченія. На жизни послѣдующихъ представителей рода Лаврецкихъ мы видимъ, какъ стихійная безпорядочность душевныхъ проявленій постепенно сглаживается, появляются признаки культурной дисциплины, пробуждаются умственные и нравственные запросы. Дѣдъ Лаврецкаго Петръ Андреичъ повторяетъ до нѣкоторой степени черты своего отца, но въ значительно смягченномъ видѣ. «Это былъ простой степной баринъ, довольно вѣзломощный, крикунъ и копотунъ, грубый, но не злой, хлѣбосоль и псовый охотникъ» (234 стр.). Дворню онъ избаловалъ и любилъ угощать въ своихъ «обширныхъ, теплыхъ и неопрятныхъ хороммахъ», «знакомыхъ и незнакомыхъ мелкихъ людишекъ», которые «наѣдались, чѣмъ попало, но досыта, напивались допьяна и тащили вонь, что могли, прославляя и величая ласковаго хозяина». Чуть-чуть его коснулось уже вліяніе западно-европейской культуры; до него дошли имена Вольтера и «изувѣра Дидерота». Но старикъ ихъ «не жаловалъ, хотя ни одной строки изъ ихъ сочиненій не прочелъ: читать было не по его части». Точно такъ же и жена его, Анна Павловна, не сочувствовала новымъ вѣяніямъ, по крайней мѣрѣ, поскольку они касались костюма. «По ея словамъ, пудриться было для нея смертью. Поставятъ тебѣ, рассказывала она въ старости, войлочный шлыкъ на голову, волосы всѣ зачешутъ кверху, саломъ вымажутъ, мукой посыплютъ, желѣзныхъ булавокъ натыкаютъ, — не отмоешься потомъ; а въ гости безъ пудры нельзя — обидятся; — мука!» На почвѣ этого несочувствія западно-европейскимъ вліяніямъ произошло и весьма серьезное столкновение между Петромъ Андреичемъ и его сыномъ Иваномъ, получившимъ у богатой старой теткн кн. Кубенской иностранное воспитаніе въ столицѣ. «Отцу не нравились его столичныя привычки, его фраки, жабо, книги, его флейта, его опрятность, въ которой недаромъ чужалась ему гадливость; онъ, то и дѣло, жаловался и ворчалъ на сына». — «А все оттого, что Вольтеръ въ головѣ сидитъ!» (235 стр.). Такимъ образомъ, въ семьѣ Петра Андреевича, дѣда Ѳ. Лаврецкаго, впервые былъ выдвинутъ жизнью національный вопросъ. Проникновение западно-европейскихъ вліяній въ русскую среду вызвало сначала чисто-стихійную и весьма примитивную реакцію національнаго чувства, смутный зародышъ національнаго протеста и самосознанія.

Но если Петръ Андреевичъ явился первымъ въ роду Лаврецкихъ, хоть и неудачнымъ защитникомъ національныхъ началъ, то жена его, Анна Павловна, была родоначальницей гуманно-демократическихъ теченій и традицій не въ силу, конечно, сознательныхъ и принципиальныхъ убѣжденій, а благодаря добрымъ качествамъ своей

души. Въ ея личности мы находимъ тѣ черты кротости, смиренія, незлобія, простоты, самоотреченія, — которыя составляютъ нравственный идеаль русскаго народа. «Жена Петра Андреевича была смиренница», «все свое приданое, всѣ деньги отдала мужу въ безответное распоряженіе». Когда ея сынъ Иванъ женился вопреки волѣ отца на крѣпостной Маланьѣ, и Петръ Андреевичъ, «узнавъ о свадьбѣ сына, слегъ въ постель и запретилъ упоминать при себѣ имя Ивана Петровича, — мать тихонько отъ мужа заняла у благочиннаго и прислала 500 руб. да образокъ его женѣ» и передала «Маланьѣ Сергѣевнѣ свое родительское благословеніе» (239 стр.). Она же передъ своей смертію была виновницей примиренія Петра Андреевича съ Маланьей и сыномъ Иваномъ.

Западно-европейское вліяніе, чуть коснувшись Петра Андреевича и его жены, всецѣло захватило ихъ сына Ивана Петровича. Тетка его кн. Кубенская «поставила къ нему гувернера, француза, бывшаго аббата, ученика Ж. Ж. Руссо и энциклопедиста. Онъ влилъ цѣдикомъ въ своего воспитанника всю премудрость XVIII вѣка, и тотъ такъ и ходилъ, наполненный ею; она пребывала въ немъ, не смѣшавшись съ его кровью, не проникнувъ въ его душу, не сказавшись крѣпкимъ убѣжденіемъ» (236 стр.). Впрочемъ, отчасти онъ «оправдалъ на дѣлѣ Руссо, Дидерота и la Declaratim des droits de l'homme» (239 стр.): желая досадить отцу и показать ему, что «чувствуетъ себя выше всякихъ предразсудковъ», Иванъ Петровичъ женился на крѣпостной крестьянкѣ Маланьѣ и тѣмъ загладилъ свою вину передъ ней.

Правда, женитьба не помѣшала ему немедленно уѣхать въ Петербургъ, а затѣмъ и за-границу на весьма продолжительное время. «Двѣнадцатый годъ вызвалъ его, наконецъ, изъ-за границы. Вся Россія поднималась на врага, и оба они (Петръ Андреевичъ и Иванъ Петровичъ) почувствовали, что русская кровь течетъ въ ихъ жилахъ. Петръ Андреевичъ на свой счетъ одѣлъ цѣлый полкъ ратниковъ» (243 стр.). Но это пробужденіе національнаго чувства въ душѣ Ивана Петровича было слишкомъ кратковременнымъ и случайнымъ. Послѣ окончанія войны онъ вновь уѣхалъ за-границу и пробылъ тамъ 5 лѣтъ. Галломанію смѣнила англomanія. «Иванъ Петровичъ вернулся въ Россію англomanомъ. Коротко остриженные волосы, накрахмаленное жабо, долгополый горюховый сюртукъ со множествомъ воротниковъ, кислое выраженіе лица, что-то рѣзкое и вмѣстѣ равнодушное въ обращеніи, произношеніе сквозь зубы, деревянный внезапный хохотъ, отсутствіе улыбки, исключительно политической и политико-экономической разговоръ, страсть къ кровавымъ

ростбифамъ и портвейну — все въ немъ такъ и вѣяло Великобританіей. Но — чудное дѣло! превратившись въ англomана, И. П. сталь въ то же время патриотомъ, по крайней мѣрѣ, онъ называлъ себя патриотомъ, хотя Россію зналъ плохо, не придерживался ни одной русской привычки и по-русски изъяснялся странно». «Онъ привезъ съ собою нѣсколько рукописныхъ плановъ, касавшихся до устройства и улучшения государства; онъ очень былъ недоволенъ всѣмъ, что видѣлъ, — отсутствіе системы въ особенности возбуждало его желчь» (245 стр.). Онъ пытался произвести кое-какія преобразованія въ своемъ имѣніи и домашнемъ обиходѣ, но въ концѣ концовъ «все осталось по старому, только оброкъ кой-гдѣ прибавился, да барщина стала потяжелѣе, да мужикамъ запретили обращаться прямо къ Ивану Петровичу. Патриотъ очень ужъ презиралъ своихъ согражданъ» (246 стр.).

Но и англomанія оказалась непрочной. Наступилъ 1825 г. «Близкіе знакомые и пріятели Ивана Петровича подверглись тяжкимъ испытаніямъ» (249 стр.). Онъ самъ рѣзко измѣнился. «Вольнодумецъ — началъ ходить въ церковь и заказывать молебны; европеецъ — сталь париться въ банѣ, обѣдать въ два часа, ложиться въ девять, засыпать подъ болтовню стараго дворецкаго; государственный человѣкъ — сжегъ всѣ свои планы, всю переписку, трепеталъ передъ губернаторомъ и егозилъ передъ исправникомъ; человѣкъ съ закаленною волею — хныкалъ и жаловался, югда у него вскакивалъ вередъ, когда ему подавали тарелку холоднаго супа». «Застарѣлый эгоистъ вдругъ выказался весь» (250 стр.).

Итакъ, сначала галломанія, потомъ слабая вспышка національнаго чувства, затѣмъ англomанія, наконецъ, откровенный эгоизмъ и безпринципность — таковы этапы и зигзаги духовнаго развитія Ивана Петровича. Въ общемъ, это — типичный представитель того общественнаго теченія, которое характеризуется «пустымъ, рабскимъ, слѣпымъ подражаніемъ» внѣшнимъ формамъ западно-европейской культуры и презрѣніемъ, столь же слѣпымъ и неразборчивымъ къ русскому народу и родному быту.

Но замѣчательно, что этому коємополиту и «русскому иностранцу» пришлось соединить свою жизнь съ существомъ, вышедшимъ изъ самой глубины русской національной стихіи и выразившимъ въ своей личности лучшія черты русскаго національнаго склада, — съ крѣпостной дѣвушкой Маланьей. По красотѣ своего нравственнаго облика она достойна стать рядомъ съ Лукерьей и Лйзой Калитиной. «Съ ясными, кроткими глазками и тонкими чертами лица, она съ перваго разу приглянулась Ивану Петровичу; онъ полюбилъ ея робкую

походку, стыдливые отвѣты, тихій голосокъ, тихую улыбку. И она привязалась къ Ивану Петровичу всей силою души, какъ только русскія дѣвушки умѣютъ привязаться, — и отдалась ему» (237 стр.). Тяжелая жизнь выпала ей на долю. Мужъ съ ней не жилъ. Къ ней относились съ пренебреженіемъ, какъ къ «сыромолотной дворянкѣ и выскочкѣ». Особенно много доставалось ей отъ сестры мужа — Глафиры Петровны, которая постоянно напоминала ей прежнее ея положеніе. «Маланья Сергѣевна съ перваго же часа стала ея рабой. Да и гдѣ же ей было бороться съ самовольной, надменной Глафирой, ей, безотвѣтной, постоянно смущенной и запуганной, слабой здоровьемъ?» (243 стр.). Больше всего ее сокрушало то, что у нея отняли Ѳедю. «Подъ предлогомъ, что она не въ состояніи заниматься его воспитаніемъ, ее почти не допускали до него» (243 стр.). «Тихое и доброе существо, Маланья въ теченіе всей своей жизни не умѣла ничему сопротивляться» (244 стр.). Когда послѣ окончанія войны съ Наполеономъ Иванъ Петровичъ вновь покинулъ жену, она «не перенесла вторичной разлуки: безропотно, въ нѣсколько дней угасла она. Уже могильныя тѣни ложились на ея лицо, но черты ея попрежнему выражали терпѣливое недоумѣніе и постоянную кротость смиренія» (244 стр.). Въ прочувствованныхъ словахъ Тургеневъ оплакиваетъ ея смерть. «Такъ кончило свое земное поприще тихое и доброе существо, Богъ знаетъ зачѣмъ выхваченное изъ родной почвы и тотчасъ же брошенное, какъ вырванное деревцо, корнями на солнце; оно увяло, оно пропало безъ слѣда, это существо, и никто не горевалъ о немъ. Пожалѣли о М. С. ея горничныя, да еще Петръ Андреевичъ. Старику недоставало ея молчаливаго присутствія. «Прости — прощай, моя безотвѣтная!» прошепталъ онъ, кланяясь ей въ послѣдній разъ въ церкви. Онъ плакалъ, бросая горсть земли въ могилу» (244 стр.). Такова была мать Ѳ. Лаврецакаго. Кротость, смиреніе, самоотреченіе, отсутствіе какихъ-либо себялюбивыхъ притязаній и помысловъ, забвеніе своихъ правъ и интересовъ, безконечная способность жертвовать собой — вотъ ея отличительныя черты. Мы подошли теперь къ нашему герою, Ѳ. Лаврецкому. Итакъ, къ чему же сводится то духовное наслѣдіе, которое было создано его предками, и въ атмосферѣ котораго ему предстояло развиваться? Исходнымъ началомъ въ процессѣ созданія этого наслѣдія былъ сырой, грубый психическій матеріалъ, лишенный какой-либо культурной обработки и поражающій своей стихійной мощью и неупорядоченностью (прадѣдъ Лаврецакаго). Въ отношеніи нравственныхъ и національныхъ идеаловъ это было состояніе полнаго безразличія, хаоса, безпринципности. Идеиная эволюція начинается со слѣдующаго представителя рода Лаврецкихъ и проходить

последовательно три момента, которые, согласно гегелевской терминологии, можно назвать тезисомъ, антитезисомъ и синтезисомъ.

Первый моментъ — пробужденіе національнаго чувства и самосознанія въ лицѣ Петра Андреевича; второй моментъ — противоположный — космополитизмъ Ивана Петровича, дошедшій до уродливыхъ крайностей и обнаружившій полную свою несостоятельность. Третій моментъ — синтетическій — осуществленъ Ѳ. Лаврецкимъ, который возвысился надъ односторонностью двухъ крайнихъ теченій и примирилъ ихъ въ высшемъ единствѣ. Это примиреніе было совершено не столько работой отвлеченной мысли надъ общими вопросами міровоззрѣнія, сколько усиленіемъ нравственно облагороженной воли на почвѣ тѣхъ гуманно-демократическихъ внушеній, которыя шли отъ матери Маланьи Сергѣевны и бабушки Анны Павловны. Эта духовная связь между различными представителями рода Лаврецкихъ спланиваетъ ихъ, несмотря на разнообразіе ихъ индивидуальных особенностей, въ стройное, цѣльное и замкнутое единство. Въ этомъ единствѣ завершающая и руководящая роль принадлежитъ Ѳ. Лаврецкому, который сомкнулъ въ своей личности всѣ лучшія духовныя нити прошлаго, гармонично сочеталъ разнородные элементы духовнаго наслѣдія предковъ, подведя ему окончательный итогъ въ сферѣ какъ теоретическаго такъ и практическаго самоопредѣленія. Эту синтетическую работу онъ выполнилъ не сразу и не безъ тяжелыхъ испытаній, сомнѣній и ошибокъ, но въ концѣ концовъ его подлинное подсознательное «я» вывело его на правильный путь и одержало побѣду надъ всѣми соблазнами и препятствіями. Намъ предстоитъ теперь выяснить, въ какой мѣрѣ условія дѣтства Ѳ. Лаврецкаго способствовали илипротиводѣйствовали выполненію его жизненной задачи, въ какомъ направленіи они вліяли на развитіе его подсознательнаго «я».

До восьмилѣтняго возраста главная роль въ душевной жизни Ѳеодіи принадлежала его матери Маланьѣ Сергѣевнѣ. «Ему не было восьми лѣтъ, когда мать его скончалась; онъ видѣлъ ее не каждый день и полюбилъ ее страстно: память о ней, объ ея тихомъ и блѣдномъ лицѣ, объ ея унылыхъ взглядахъ и робкихъ ласкахъ навѣки запечатлѣлась въ его сердцѣ; но онъ смутно понималъ ея положеніе въ домѣ; онъ чувствовалъ, что между нимъ и нею существовала преграда, которую она не смѣла и не могла разрушить» (247 стр.). Итакъ, вліяніе матери на Ѳеодію пріурочивается какъ разъ къ тому возрасту, когда устанавливаются и вырабатываются основы подсознательнаго «я». Конечно, Маланья Сергѣевна и не помышляла о сознательномъ и планомѣрномъ воспитательномъ воздѣйствіи на сына, но вся ея личность, вся душа отпечатлѣлась на немъ.

Всякая личность представляет собой не внѣшнюю механическую смѣсь различныхъ психическихъ переживаній, но живое органическое единство разнообразныхъ обнаруженій внутренниго, подсознательнаго «я». Эти обнаруженія даютъ не мертвый фактическій матеріалъ опредѣленнаго качества и окраски, но живую активную силу, несущую въ себѣ ту или иную принципіальную тенденцію, извѣстные идеалы, опредѣленное жизненное міровоззрѣніе. Какія же принципіальныя начала перешли отъ Маланьи въ подсознательную сферу ея сына? Какъ крестьянка, и крѣпостная она была живымъ символомъ русской народной массы, ея страданій, идеаловъ и надеждъ, — той «народной правды», въ признаніи которой заключается сущность народническаго демократизма. Если она «не смѣла и не могла разрушить ту преграду», которая стояла между нею и сыномъ и поддерживалась дворянско-крѣпостническими предразсудками, то тѣмъ глубже должна была лечь на душу Ѳ. Лаврецкаго нравственная задача содѣйствовать разрушенію подобной преграды между интеллигенціей и русскимъ народомъ вообще. Примѣромъ всей своей печальной жизни, героизмомъ непрерывнаго своего самоотверженія она не могла не внушить своему сыну высокихъ нравственныхъ началъ. Въ тяжелыхъ жизненныхъ испытаніяхъ, безспорно, ее поддерживала глубокая религіозная вѣра, которая также должна была оставить свой слѣдъ въ подсознательной сферѣ Лаврецкаго. Итакъ, народническій демократизмъ, отреченіе отъ личнаго счастья, живая религіозность — вотъ тѣ руководящія жизненные начала, которыя вошли въ душу Лаврецкаго съ молокомъ матери и опредѣлили въ концѣ концовъ всю его личность и судьбу. Но жизнь Лаврецкаго представляетъ ту особенность, что подлинное подсознательное его «я» не сразу выявилось и вскрылось, встрѣтивъ въ окружающей средѣ неблагопріятныя условія. «Послѣ смерти Маланьи Сергѣевны, тетка окончательно забрала его въ руки. Ѳедя боялся ея, боялся ея свѣтлыхъ и зоркихъ глазъ, ея рѣзкаго голоса; онъ не смѣлъ пикнуть при ней». «Когда наступила пора учить его языкамъ и музыкѣ, Глафора Петровна наняла за безцѣнокъ старую дѣвицу, шведку съ заячьими глазами, которая съ грѣхомъ пополамъ говорила по-французски и по-нѣмецки, кое-какъ играла на фортепіано, да сверхъ того отлично солила огурцы» (247 стр.). «Въ обществѣ этой наставницы, готки да старой сѣнной дѣвушки провелъ Ѳедя цѣлыхъ четыре года». Никто изъ этихъ лицъ не имѣлъ на него глубокаго и благотворнаго вліянія какъ потому, что они по своимъ внутреннимъ качествамъ не соответствовали его подсознательнымъ запросамъ, такъ и потому, что «Ѳедя не любилъ никого изъ окружавшихъ его» (248 стр.), замкнулся

въ себя и не раскрывалъ своей души предъ чуждыми его внутренней природѣ и холодными внушеніями. Онъ инстинктивно чувствовалъ противорѣчіе между своимъ внутреннимъ «я» и внѣшней средой, и потому «по-временамъ находило на него дикое упрямство», какъ стихійный протестъ живой личности противъ внѣшняго стѣсненія и насилія. Но больше всего повредила правильному развитію Лаврецкаго, сбивъ его совершенно съ толку и поселивъ путаницу въ его головѣ, та «система» воспитанія, которую примѣнилъ къ нему англо-манъ-отецъ.

«Я изъ него хочу сдѣлать человѣка прежде всего, un homme, — говорилъ онъ, — и не только человѣка, но и спартамца». Такимъ образомъ Иванъ Петровичъ совершенно игнорировалъ конкретную национально-историческую обстановку, въ которой предстояло жить и дѣйствовать его сыну. Его плѣнялъ космополитическій миражъ человѣка вообще, внѣ опредѣленныхъ условій времени и пространства... «Исполненіе своего намѣренія Иванъ Петровичъ началъ съ того, что одѣлъ сына по-шотландски: двѣнадцатилѣтній малый сталъ ходить съ обнаженными икрами и съ пѣтушьимъ перомъ на складномъ картузѣ; шведку замѣнилъ молодой швейцарецъ, изучившій гимнастику до совершенства; музыку, какъ занятіе, недостойное мужчины, изгнали навсегда; естественныя науки, международное право, математика, столярное ремесло по совѣту Ж. Ж. Руссо, и геральдика для поддерживанія рыцарскихъ чувствъ, — вотъ чѣмъ долженъ былъ заниматься будущій «человѣкъ» (248 стр.). Его будили въ четыре часа утра, тотчасъ окачивали холодной водой и заставляли бѣгать вокругъ высокаго столба на веревкѣ, ѣлъ онъ разъ въ день по одному блюду, ѣздилъ верхомъ, стрѣлялъ изъ арбалета; при всякомъ удобномъ случаѣ упражнялся, по примѣру родителя, въ твердости воли и каждый вечеръ вносилъ въ особую книгу отчетъ прошедшаго дня и свои впечатлѣнія; а Ив. П. съ своей стороны писалъ ему наставленія по-французски, въ которыхъ онъ называлъ его: *mon fils*, и говорилъ ему: *vous*. По-русски Федя говорилъ отцу «ты», но въ его присутствіи не смѣлъ садиться». Наконецъ, «когда Федѣ минулъ 16-й годъ, Ив. Петр. почелъ за долгъ заблаговременно поселить въ него презрѣніе къ женскому полу» (249 стр.). Вотъ и вся система». Неудурно въ ней было поставлено ф и з и ч е с к о е воспитаніе, по крайней мѣрѣ «на его (Феди) здоровье новый образъ жизни благотѣльно подѣйствовало: сначала онъ схватилъ горячку, но вскорѣ оправился и сталъ молодцомъ». Немало было удѣлено вниманія также на у м с т в е н н о е развитіе и образованіе. Но здѣсь ужъ нужно отмѣтить существенный пробѣлъ: все вниманіе воспитанника приковывалося

къ наукамъ физико-математической группы, изучающимъ лишь самыя общія и отвлеченныя стороны дѣйствительности; между тѣмъ все сложно-конкретное и красочное содержаніе жизни, составляющее предметъ общественно-историческихъ наукъ, было исключено изъ программы, если не говорить о международномъ правѣ, которому Ив. Петр. придавалъ значеніе, повидимому, подъ влияніемъ своего личнаго дипломатическаго опыта. Русскій языкъ и литература, русская исторія и географія, наконецъ, православная религія, — все то, что связываетъ съ родиной, русскимъ народомъ и роднымъ бытомъ, — не входило также въ эту одностороннюю систему. Но здѣсь ужъ недостатокъ въ сферѣ умственнаго воспитанія переходитъ въ серьезный нравственный пробѣлъ. Нравственное воспитаніе Оеди было поставлено изъ рукъ вонъ плохо. Все то, что дѣйствуетъ на чувство — эстетическое, національное, религіозное, собственно-моральное — было изгнано, какъ «недостойное мужчины».

Общій и главный порокъ всей системы — это ея сухой и черствый рационализмъ, оставлявшій безъ удовлетворенія самыя живыя и глубокія потребности внутренней природы человѣческаго «я». Эта система не только не способствовала постепенному развертыванію и расцвѣту подсознательнаго «я» Лаврецакаго, но лишь создала вокругъ этого «я» плотную, жесткую, непроницаемую кору, сжимавшую и стѣснявшую его свободное развитіе и проявленіе. «Замкнутый и сжатый въ самомъ себѣ» (252 стр.), онъ чувствовалъ себя «вывихнутымъ» (294 стр.) и долго не могъ найти свое настоящее «я» и выяснить себѣ свое истинное жизненное призваніе. Продолжительный и болѣзненный процессъ этого исканія, завершившійся актомъ окончательнаго самоопредѣленія, и составляетъ главное содержаніе романа.

2. Міровоззрѣніе Лаврецакаго.

Міровоззрѣніе Лаврецакаго, указавшее ему его настоящую дорогу въ жизни и удовлетворившее глубочайшимъ запросамъ его внутренней природы, сложилось постепенно, какъ результатъ не одной только работы теоретической мысли, но — въ гораздо большей степени — тяжелаго и продолжительнаго жизненнаго опыта. Въ этомъ длительномъ процессѣ выработки міровоззрѣнія можно отмѣтить три главныхъ фазиса: 1) періодъ личнаго счастья, непосредственнаго чувства, — эгоистически-эвдемонистическій, 2) періодъ скептицизма, разрушительной работы мысли, отрицанія положительныхъ началъ жизни и міровоззрѣнія, 3) признаніе положительныхъ основъ въ жизни и міровоззрѣніи, періодъ творческой, созидательной, религіозно-этической.

По словамъ Тургенева, Лаврецкій «сознавалъ недостатки своего воспитанія и вознамѣрился по возможности воротить упущенное». Поэтому послѣ смерти своего отца, Лаврецкій 23 лѣтъ «поступилъ на физико-математическое отдѣленіе» (252 стр.). Мы однако видѣли выше, что главный недостатокъ образованія Лаврецкаго состоялъ въ томъ, что онъ совершенно не изучалъ наукъ, которыя касаются Россіи какъ въ ея историческихъ судьбахъ такъ и въ современномъ состояніи. Поэтому выборъ факультета Лаврецкимъ съ цѣлью пополненія пробѣловъ своего образованія нельзя признать удачнымъ. Очевидно, Лаврецкій не отдавалъ себѣ яснаго отчета, чего собственно онъ хочетъ, къ какой цѣли въ концѣ концовъ стремится. Изучать науки можно съ двоякой цѣлью: теоретической или практической.

Теоретическій интересъ къ знанію былъ слабо развитъ у Лаврецкаго. Очевидно, онъ изучалъ науки ради практической дѣятельности. Занимаясь въ Парижѣ переводомъ «извѣстнаго ученаго сочиненія объ ирригаціяхъ», онъ думалъ: «я не теряю времени: все это полезно» (262). Вотъ тутъ-то и сказался основной недостатокъ его воспитанія: ему не внушили никакого нравственнаго идеала, никакого жизненнаго міровоззрѣнія, не поставили опредѣленной, возвышенной цѣли жизни и не дали средствъ для ея выполненія. Лаврецкій смутно, инстинктивно стремится къ какой-то пользѣ, но въ чемъ она должна состоять, онъ яснаго представленія не имѣетъ. Онъ все собирался «приняться за дѣло», но, по словамъ автора, «трудно сказать, ясно ли онъ сознавалъ, въ чемъ собственно состояло это дѣло» (262). Во всякомъ случаѣ самое стремленіе къ пользѣ было не особенно устойчивымъ. Когда онъ познакомился съ Варварой Павловной Коробьиной, своей будущей женой, «ему казалось, что онъ теперь только понималъ, для чего стоитъ жить; всѣ его предположенія, намѣренія, весь этотъ вздоръ и прахъ, исчезли разомъ; вся душа его слилась въ одно чувство, въ одно желаніе, въ желаніе счастья я, обладанія, любви, сладкой женской любви» (257).

Его предложеніе было принято, но онъ «долженъ былъ немедленно оставить университетъ». Такимъ образомъ, женитьба прервала его научныя занятія, его работу надъ завершеніемъ своего воспитанія и образованія. Онъ всецѣло отдался упоенію любви. «Онъ блаженствовалъ, упивался счастьемъ; онъ предавался ему, какъ дитя» (258). Двѣ зимы онъ съ женой своей провелъ въ Петербургѣ. «Много завели они знакомыхъ въ среднихъ и даже высшихъ кругахъ общества, много выѣзжали и принимали, давали прелестнѣйшія музыкальныя и танцевальныя вечеринки» (259). «Ееодору Ивановичу не совсѣмъ-то нравилась такая разсѣянная жизнь». «Онъ принялся опять за соб-

ственное, по его мнѣнію, недоконченное воспитаніе, опять сталъ читать, приступилъ даже къ изученію англійскаго языка» (260). Итакъ, мы видимъ, что жизненные идеалы Лаврецкаго въ эту пору были въ высшей степени неопредѣленны и неустойчивы. То онъ мечталъ «приняться за дѣло», послужить Россіи, то онъ работалъ надъ самообразованіемъ, то, наконецъ, смыслъ и цѣль жизни усматривалъ въ женской любви, въ личномъ счастьи. Колебанія эти не выходили за предѣлы чисто-непосредственныхъ, инстинктивныхъ переживаній, не опирались на какія-либо принципіальныя основы, не облекались въ стройныя, сознательныя формы цѣльнаго міровоззрѣнія. Это были лишь малоосознанныя, смутные порывы, представлявшіе сырой фактической матеріаль, который еще нуждался въ принципіально-этической оцѣнкѣ и оправданіи. Къ чести Лаврецкаго нужно сказать, что онъ не могъ долго отдаваться непосредственнымъ, чисто-фактическимъ переживаніямъ, — какъ бы пріятны они ни были, — если не находилъ для нихъ высшаго оправданія въ своемъ нравственномъ сознаніи. Но сначала нравственные идеалы его были смутны и неустойчивы, и потому Лаврецкій въ первый періодъ своей жизни чаще всего бывалъ игрушкой непосредственнаго чувства. Измѣна жены рѣзко нарушила спокойное и медленное теченіе его нравственнаго развитія и положила конецъ всѣмъ его колебаніямъ. Интересно, какъ онъ реагировалъ на самый фактъ измѣны. «Онъ и закричалъ, и задохнулся, и заплакалъ въ одно мгновеніе. Онъ обезумѣлъ. Онъ такъ слѣпо довѣрялъ своей женѣ; возможность обмана, измѣны никогда не представлялась его мысли». Увидѣвъ жену, «Лаврецкій затрепеталъ весь и бросился вонъ; онъ почувствовалъ, что въ это мгновеніе онъ былъ въ состояніи истерзать ее, избить ее до полусмерти, по-мужицки, задушить ее своими руками» (263). «Онъ хотѣлъ сказать женѣ и ея любовнику: «вы со мной напрасно пошутили; прадедъ мой мужиковъ за ребра вѣшалъ, а дѣдъ мой самъ былъ мужикъ» — да убить ихъ обоихъ» (264).

Мы видимъ здѣсь, какъ всколыхнулись въ душѣ Лаврецкаго наслѣдственныя струи, какъ готовы были овладѣть имъ тѣ стихійныя порывы непосредственнаго чувства, которые съ такой силой проявлялись у его предковъ, но которые, какъ дикіе звѣри, были уже укрощены преемственными усиліями нѣсколькихъ поколѣній. Лаврецкій вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы нравственнаго сознанія съ темными внушеніями отдаленныхъ стихійныхъ сферъ. Онъ поступилъ съ женой, какъ рыцарь, не причинивъ ей никакого зла и назначивъ ей весьма солидную пенсію. Неожиданное крушеніе личнаго счастья произвело въ душѣ Лаврецкаго громадный нравственный переворотъ. Мысль его усиленно заработала, и весь внутренній

міръ его перестроился. Ему пришлось пересмотрѣть заново свои идеалы и планы, произвести «переоцѣнку всѣхъ цѣнностей». Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ переживалъ глубокой нравственный кризисъ. «Скептицизмъ, подготовленный опытами жизни, воспитаніемъ, окончательно забрался въ его душу. Онъ сталъ очень равнодушенъ ко всему» (266). Если раньше чуть не весь смыслъ жизни онъ полагалъ въ женской любви, то теперь совершенно утратилъ вѣру въ возможность для себя личнаго счастья и разочаровался въ женщинахъ вообще.

Когда Михалевичъ сказалъ ему: «тебѣ нужно теперь какое-нибудь чистое, неземное существо, которое исторгло бы тебя изъ твоей апатіи», то Лаврецкій отвѣтилъ: «спасибо, братъ, съ меня будетъ этихъ неземныхъ существъ» (297). Даже про Лизу онъ сначала подумалъ: «побѣжить и она по той же дорожкѣ, по какой всѣ бѣгаютъ» (273). Очевидно, онъ не вѣрилъ въ возможность чистой, возвышенной женской души, которая «не потребовала» бы отъ своего избранника «постыдныхъ жертвъ, не отвлекла бы его отъ занятій, но сама воодушевила бы на честный, строгій трудъ, — и они оба пошли бы впередъ, къ прекрасной цѣли» (320). Такимъ образомъ ядъ сомнѣнія и разлагающаго анализа отравилъ его сердце, подорвалъ возможность непосредственнаго чувства и беззавѣтнаго увлеченія, убилъ всякую надежду на счастье любви. Не менѣе разрушительна была работа скептицизма и въ другой области душевныхъ проявленій — во лѣ. Лаврецкій утратилъ живой интересъ къ общественной дѣятельности. Хотя онъ и «могъ заниматься, работать», но «далеко не съ прежнимъ рвеніемъ» (266). Кроме того, энергія его парализовалась тѣмъ, что онъ не зналъ, что именно нужно дѣлать. Но можно сказать и наоборотъ: онъ не выяснилъ, что нужно дѣлать, именно потому, что былъ равнодушенъ къ работѣ, самый источникъ энергіи его изсякъ. Михалевичъ возмущался его бездѣйствіемъ, называя его «злостнымъ байбакомъ», «байбакомъ съ сознаніемъ. Наивные байбаки, говорилъ Михалевичъ, лежатъ себѣ на печи и ничего не дѣлаютъ, потому что не умѣютъ ничего дѣлать; они и не думаютъ ничего, а ты мыслящій человекъ и лежишь; ты могъ бы что-нибудь дѣлать — и ничего не дѣлаешь, лежишь съ-тымъ брюхомъ кверху и говоришь: такъ оно и слѣдуетъ, лежать-то, потому что все, что люди ни дѣлаютъ, — все вздоръ и ни къ чему не ведущая чепуха». «Иной даже гордится тѣмъ, что я, молъ, умница — лежу, а тѣ, дураки, хлопочутъ» (295). Горячо негодуетъ Михалевичъ и на то, что Лаврецкій не знаетъ, что дѣлать. «Помѣщикъ, дворянинъ — и не знаетъ, что дѣлать! Вѣры нѣтъ, а то бы зналъ; вѣры нѣтъ — и нѣтъ откровенія!» «И когда же, гдѣ же вздумали люди обайбачиться?»

У насъ! теперь! въ Россіи! Когда на каждой отдѣльной личности лежитъ долгъ, отвѣтственность великая передъ Богомъ, передъ народомъ, передъ самимъ собой! Мы спимъ, а время уходитъ»... (296).

Нравственный кризисъ, выразившійся въ упадкѣ жизненной энергии, въ равнодушіи къ вопросамъ личнаго счастья и общественной дѣятельности, не могъ не затронуть и болѣе общихъ основъ міровоззрѣнія Лаврецкаго. Внутренній міръ человѣка выражается въ переживаніяхъ троякаго рода: 1) индивидуально-замкнутыхъ, непосредственно касающихся лишь данное лицо, 2) соціальныхъ, предметомъ которыхъ являются отношенія человѣка къ обществу, и 3) вселенскихъ, религиозныхъ, опредѣляющихъ отношеніе человѣка къ міровому цѣлому, космосу. Нравственныя задачи человѣка обосновываются чаще всего въ связи съ выясненіемъ того положенія, какое онъ занимаетъ въ міровомъ строѣ, а также съ рѣшеніемъ вопроса о смыслѣ всего бытія.

То или иное рѣшеніе этихъ послѣднихъ вопросовъ составляетъ въ значительной мѣрѣ предметъ религиозной вѣры, а не строго-научнаго доказательства. Такимъ образомъ, религиозный элементъ неизбѣженъ во всякомъ полномъ міровоззрѣніи.

Между указанными выше душевными переживаніями, несмотря на все различіе въ ихъ характерѣ и предметѣ, существуетъ тѣсная взаимная связь: они какъ бы другъ друга питаютъ и поддерживаютъ. Пониженіе энергии, оскуднѣніе въ одной группѣ переживаній нерѣдко отражается неблагоприятно на другихъ. Объясняется это тѣмъ, что источникъ ихъ вѣдь одинъ—психическая жизнедѣятельность данной личности. Если эта жизнедѣятельность подавлена въ своемъ корнѣ, то апатія или параличъ распространяется на всѣ проявленія душевной жизни. Такъ именно было съ Лаврецкимъ въ періодъ его нравственнаго кризиса. Испытавъ крушеніе семейнаго счастья, Лаврецкій утратилъ вѣру въ разумный смыслъ своей личной жизни и сталъ равнодушенъ ко всему: и къ общественнымъ вопросамъ и религиозной вѣрѣ; словомъ, онъ убѣдился на горькомъ опытѣ своей семейной жизни въ тщетѣ всякаго человѣческаго усилія, въ неизбѣжномъ торжествѣ стихійныхъ силъ во всѣхъ сферахъ бытія—личнаго, общественнаго, мірового.

«Давно не былъ онъ въ церкви, давно не обращался къ Богу»... (321). Религія не играла ни какой роли въ его душевной жизни. Онъ былъ очень удивленъ, узнавъ, что Лиза ходитъ къ обѣднѣ. «А развѣ вы ходите къ обѣднѣ?» спросилъ онъ ее. Михалевичъ осуждаетъ Лаврецкаго за то, что въ немъ, «нѣтъ вѣры, нѣтъ теплоты сердечной; умъ, все одинъ только конечный умъ... ты просто жалкій, отсталый воль-

терьянецъ — вотъ ты кто!» (294). На замѣчаніе Лизы: «какъ же можно разлучать то, что Богъ соединилъ?» Лаврецкій отвѣтилъ довольно рѣзко: «наши убѣжденія на этотъ счетъ слишкомъ различны: мы не поймемъ другъ друга» (289). По этимъ немногимъ свидѣтельствамъ мы все-таки можемъ съ полнымъ основаніемъ утверждать, что скептицизмъ охватилъ и область религіозныхъ переживаній Лаврецкаго. Но торжество отрицательныхъ началъ въ жизни и міровоззрѣніи Лаврецкаго не могло быть окончательнымъ, потому что оно противорѣчило его подлинному подсознательному «я».

Лишь въ третьемъ фазисѣ своего духовнаго развитія удалось Лаврецкому отыскать свою настоящую дорогу, свое истинное «я», воскресить и осознать тѣ положительныя основы міровоззрѣнія, которыя глубоко были заложены въ его подсознательной сферѣ. Этому благоприятствовали рядъ внутреннихъ и внѣшнихъ условий: естественный самопроизвольный процессъ возстановленія силъ и душевнаго равновѣсія, возвращеніе на родину, вліяніе Михалевица, любовь къ Лизѣ.

«Время шло не даромъ. Онъ не былъ рожденъ страдальцемъ; его здоровая природа вступила въ свои права. Многое стало ему ясно; самый ударъ, поразившій его, не казался ему болѣе непредвидѣннымъ; онъ понялъ свою жену» (266). *Tout savoir c'est tout pardonner*. Понять извѣстное явленіе значитъ обнаружить его необходимость, а слѣдовательно, и примириться съ нимъ, какъ съ чѣмъ-то неотвратимымъ, неизбѣжнымъ, стихійнымъ. Такъ отнесся Лаврецкій къ своему прошлому, и оно постепенно утратило свое мучительное остріе, свою непосредственную живую связь съ его душой. «Плакать о прошедшемъ, говорилъ онъ Лизѣ по случаю извѣстія о смерти его жены, — да вѣдь оно у меня все выжжено!... Самый проступокъ ея не разрушилъ мое счастье, а доказалъ мнѣ только, что его вовсе никогда не бывало. О чемъ же тутъ плакать?» (313). Итакъ, «прошло года четыре, и онъ почувствовалъ себя въ силахъ возвратиться на родину, встрѣтиться со своими» (266).

Возвращеніе на родину, въ свое имѣніе произвело глубоко-благотворное, освѣжающее вліяніе на душу Лаврецкаго. Русская природа, «эта свѣжая, степная, тучная голь и глушь, эта зелень, эти длинные холмы, овраги съ приземистыми дубовыми кустами, сѣрыя деревеньки, жидкія березы — вся эта давно имъ невиданная русская картина навѣвала на его душу сладкія и въ то же время почти скорбныя чувства, давила грудь его какимъ-то пріятнымъ давленіемъ» (272). Давно минувшія переживанія далекаго дѣтства нахлынули на его опустѣвшую душу теплою, отрадною волной и оживили въ немъ какія-то смутныя, но свѣтлыя надежды. «Вспомнилъ онъ свое дѣтство, свою мать, вспо-

нить, какъ она умирала, какъ поднесли его къ ней, и какъ она, прижимая его голову къ своей груди, начала было слабо голосить надъ нимъ, да взглянула на Глафиру Петровну — и умолкла» (272). «Образъ прошедшаго, не спѣша, поднимались, всплывали въ его душѣ, мѣшаясь и путаясь съ другими представленіями. Лаврецкій, Богъ знаетъ почему, сталъ думать о Робертѣ Пилѣ... о французской исторіи... о томъ, какъ бы онъ выигралъ сраженіе, если бъ онъ былъ генераломъ; ему чудились выстрѣлы и крики»... (273). Такимъ образомъ, нити далекаго прошлаго, связаннаго съ родиной, дѣтствомъ, матерью, поднялись изъ глубины подсознательной сферы и вступили въ борьбу съ тѣми искусственными и ненужными представленіями, которыя были навѣяны заграничной жизнью Лаврецкаго и которыя лишь скрывали отъ него его истинное призваніе, какъ русскаго человѣка.

«Вернувшись домой, Лаврецкій погрузился въ какое-то мирное оцѣпенѣніе. «Вотъ когда я попалъ на самое дно рѣки», сказалъ онъ самому себѣ не однажды. «И всегда, во всякое время тиха и неспѣшна здѣсь жизнь, думаетъ онъ: кто входитъ въ ея кругъ, покоряйся: здѣсь незначѣмъ волноваться, нечего мутить; здѣсь только тому и удача, кто прокладываетъ свою тропинку не торопясь, какъ пахарь борозду плугомъ. И какая сила кругомъ, какое здорье въ этой бездѣйственной тиши!» (279).

Въ этихъ словахъ ясно противопоставляется быстрому, суетливому темпу западно-европейской жизни тихое, глубокое теченіе русской, при чемъ все сочувствіе Лаврецкаго на сторонѣ родины. «На женскую любовь ушли мои лучшіе годы», продолжаетъ думать Лаврецкій, «пусть же вытрезвить меня здѣсь скука, пусть успокоитъ меня, подготовитъ къ тому, чтобы и я умѣлъ не спѣша дѣлать дѣло» (279). «Скорбь о прошедшемъ таяла въ его душѣ, какъ весенній снѣгъ, — и странное дѣло! — никогда не было въ немъ такъ глубоко и сильно чувство родины» (280). Итакъ, могучимъ, стихійнымъ дѣйствіемъ родной земли, оживившимъ въ глубинахъ подсознательнаго «я» Лаврецкаго дремавшее тамъ чувство родины, были въ значительной мѣрѣ смыты съ его души тѣ чуждыя ея внутренней природѣ наслоенія, какими были его эгоистическія мечты о личномъ счастьи и привитое воспитаніемъ и заграничной жизнью космополитическое настроеніе. Въ такомъ же направленіи повліялъ на Лаврецкаго и его товарищъ, энтузіастъ-идеалистъ Михалевичъ. Онъ горячо осуждалъ его за бездѣйствіе, эгоизмъ, равнодушіе къ родинѣ, религіи, прогрессу, упрекалъ за то, что Лаврецкій «желалъ самонаслажденія, желалъ счастья въ жизни, хотѣлъ жить только для себя» (294), напоминалъ ему, что въ жилахъ его «течетъ

честная плебейская кровь», наконецъ, «умоляль его серьезно заняться бытомъ своихъ крестьянъ» (297). «Многія изъ словъ Михалевича неотразимо вошли ему въ душу» (298). Постепенно въ душѣ Лаврецаго сложились новые общественные взгляды, внушенные проснувшимся въ немъ живымъ національнымъ чувствомъ. Свое міровоззрѣніе по общественнымъ вопросамъ онъ высказалъ въ спорѣ съ Паншинымъ. По мнѣнію Паншина, «мы поневолѣ должны заимствовать у другихъ; мы больны оттого, что только наполовину сдѣлались европейцами; всѣ народы въ сущности одинаковы; вводите только хорошія учрежденія — и дѣло съ концомъ. Учрежденія передѣлаютъ самый бытъ» (326). Лаврецкій горячо возражалъ Паншину, отстаивая «молодость и самостоятельность Россіи», требуя «смиренія передъ народной правдой» и вѣры въ живыя силы русскаго народа и способность его создать самобытную культуру. Паншинъ и Лаврецкій — представители двухъ противоположныхъ взглядовъ на историческій процессъ. Паншинъ стоялъ на космополитической и механической точкѣ зрѣнія, подчеркивая общечеловѣческую сторону культуры и считая возможнымъ перестроить самый духъ народный посредствомъ внѣшнихъ учрежденій. Лаврецкій, напротивъ, защищалъ националистическую и органическую точку зрѣнія на развитіе культуры, придавая большую цѣнность національному своеобразію народной личности и полагая, что культура создается народнымъ творчествомъ въ соотвѣтствіи съ внутренней природой народнаго духа и не можетъ развиваться путемъ чисто-внѣшняго, механическаго насажденія. Такимъ образомъ, чувство родины, глубоко заложенное въ подсознательной сферѣ Лаврецаго, приняло форму сознательнаго и обоснованнаго націонализма.

Намъ остается разсмотрѣть религіозно-этические элементы міровоззрѣнія Лаврецаго въ связи съ вліяніемъ на него Лизы. Лаврецкій и Лиза — натуры глубоко родственныя, какъ бы созданныя другъ для друга. Ихъ сближало и влекло другъ къ другу единство подсознательныхъ сферъ. Общеніе между ихъ душами происходило не только путемъ словеснаго обмѣна мыслей, но и болѣе глубокимъ путемъ непосредственнаго, интуитивнаго взаимопроникновенія, безмолвнаго, глубоко-интимнаго касанія. Оттого такъ стихійно, самопроизвольно раскрывались ихъ души, такъ неуклонно тянулись другъ къ другу, такъ глубоко и безповоротно полюбили. Эта любовь лишь яркое выраженіе «предустановленной гармоніи» подсознательныхъ сферъ. Самое различіе и даже столкновеніе сознательныхъ ихъ взглядовъ только сильнѣе заставляло трепетать и звучать неосознанную еще гармонію. Поэтому споры между Лизой и Лаврецкимъ, нерѣдко очень

горячіе, не только не отталкивали ихъ другъ отъ друга, но даже еще больше сближали.

О какихъ бы вопросахъ ни шла у нихъ рѣчь, всѣ разговоры ихъ, «касаясь однѣхъ струнъ души, заставляли смутно звучать остальные», и эти отдаленные и длительные отзвуки открывали какія-то глубокія духовныя перспективы въ подсознательныя сферы, охватывая душу сложнымъ и напряженнымъ настроеніемъ. Такъ въ высокихъ и полутемныхъ сводахъ величественнаго собора таинственно и внушительно звучатъ преображенные отгоски того, что совершается внизу, въ доступной для всѣхъ части храма, и напоминаютъ объ иной жизни, объ иныхъ мірахъ... Не слова и рѣчи сблизили Лизу съ Лаврецкимъ, но именно эти отзвуки и отраженные волны въ подсознательныхъ глубинахъ ихъ подлиннаго, интимнаго «я». «Случается иногда, что два уже знакомыхъ, но не близкихъ другъ другу человѣка внезапно и быстро сближаются въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній, — и сознаніе этого сближенія тотчасъ выражается въ ихъ взглядахъ, въ ихъ дружелюбныхъ и тихихъ усмѣшкахъ, въ самыхъ ихъ движеніяхъ. Именно это случилось съ Лаврецкимъ и Лизой» (288). Недоговоренныя рѣчи, затаенныя мысли, невыраженныя чувства — находили живой откликъ въ непосредственныхъ предчувствіяхъ, въ чуткой интуиціи. Когда Лаврецкій получилъ извѣстіе о смерти жены, но не успѣлъ еще уведомить объ этомъ Лизу, «особенное выраженіе его лица поразило ее, какъ только онъ вошелъ въ комнату: она тотчасъ почувствовала, что онъ и мѣетъ сообщить ей что-то, но, сама не зная почему, боялась спросить его» (309). Лиза придавала большое значеніе этой способности интуитивно проникать въ чужую душу, — какъ проявленію той душевной чуткости, которая служитъ выраженіемъ подлинной любви. Паншинъ не обнаружилъ ни этой чуткости ни любви. «Если бы онъ точно меня любилъ», сказала Лиза, «онъ бы не написалъ этого письма (въ которомъ онъ дѣлалъ Лизѣ формальное предложеніе); онъ долженъ былъ бы чувствовать, что я не могу отвѣчать ему теперь» (320). Лаврецкій напротивъ былъ въ высшей степени чутокъ и замѣчалъ самыя интимныя движенія Лизиной души. Въ церкви, гдѣ была Лиза и усердно молилась, «онъ почувствовалъ, что она молилась и за него, — и чудное умиленіе наполнило его душу. «Ты меня сюда привела, подумалъ онъ: — коснись же меня, коснись моей души». Она все такъ же тихо молилась; лицо ея показалось ему радостнымъ, и онъ умилился вновь, онъ попросилъ другой душѣ — покоя, своей — прощенія»... (322).

Хотя Лиза не вымолвила ни одного слова въ теченіе спора между Паншинимъ и Лаврецкимъ, послѣдній чувствовалъ, что она вся была

на его сторонѣ: «онъ бы не сталъ возражать одному Паншину; онъ говорилъ только для Лизы.

Другъ другу они ничего не сказали, даже глаза ихъ рѣдко встрѣчались; но оба они поняли, что тѣсно сошлись въ этотъ вечеръ, поняли, что и любятъ и не любятъ одно и то же» (329). «Они сидѣли возлѣ Марѣы Тимоѣевны и, казалось, слѣдили за ея игрой,—а между тѣмъ у каждаго изъ нихъ сердце росло въ груди, и ничего для нихъ не пропало: для нихъ пѣлъ соловей, и звѣзды горѣли, и деревья тихо шептали, убаюканныя и сномъ, и нѣгой лѣта, и тепломъ» (329).

Итакъ, сближеніе между Лизой и Лаврецкимъ совершилось несомнѣнно на почвѣ непосредственнаго общенія ихъ подсознательныхъ сферъ въ глубинѣ ихъ подлиннаго «я».

Вотъ почему различіе въ ихъ религіозно-этическихъ взглядахъ, различіе, касавшееся поверхностныхъ слоевъ ихъ сознанія, не могло помѣшать этому сближенію. Постепенно и это различіе исчезло подъ напоромъ все возрастающаго и крѣпнущаго прибое подсознательныхъ волнъ, незамѣтно и настойчиво подмывавшихъ воздвигнутые на «зыбкомъ пескѣ» (294) устои скептицизма Лаврецкаго и властно требовавшихъ перестройки міровоззрѣнія на новыхъ положительныхъ началахъ въ полномъ соотвѣтствіи съ внутренней природой «я». Эта перестройка совершилась благодаря могучему вліянію Лизы. Она «втайнѣ надѣялась привести его къ Богу» (329). И дѣйствительно, онъ сталъ доступенъ истиннымъ религіознымъ настроеніямъ. Придя въ церковь помолиться вмѣстѣ съ Лизой за упокой души своей жены, Лаврецкій, хотя и «не произнесъ никакихъ молитвенныхъ словъ и даже безъ словъ не молился, но на мгновеніе, если не тѣломъ, то всѣмъ помысломъ своимъ повергнулся ницъ и приникъ смиренно къ землѣ. Вспомнилось ему, какъ въ дѣтствѣ онъ всякій разъ въ церкви до тѣхъ поръ молился, пока не ощущалъ у себя на лбу какъ бы чьего-то свѣжаго прикосновенія; это, думалъ онъ тогда, ангель-хранитель принимаетъ меня, кладетъ на меня печать избранія» (322). Такимъ образомъ, въ дѣтствѣ онъ былъ глубоко-религіозенъ, почти такъ же восторженно, какъ Лиза. Проснувшіяся переживанія дѣтства встрѣтились съ вліяніемъ Лизы и открыли передъ нею сердце скептика. Правда, Лаврецкій и раньше въ бесѣдѣ съ Лизой толковалъ о значеніи религіи въ исторіи человѣчества, о значеніи христіанства» (302), но тогда онъ относился къ религіи, какъ къ чисто-внѣшнему учрежденію или какъ къ извѣстной исторической силѣ, въ родѣ феодализма, священной римской имперіи и пр., при чемъ къ его личному существованію религія

не имѣла никакого внутренняго прикосновенія. Теперь же Лаврецкій почувствовалъ именно глубоко-внутреннее, лично-интимное значеніе религіи, ея подлинный психологическій смыслъ. «Чудное умиленіе наполнило его душу... Чинно стоявшій народъ, родныя лица, согласное пѣніе, запахъ ладану, длинные косые лучи отъ оконъ, самая темнота стѣнъ и сводовъ — все говорило его сердцу» (321). Религію, какъ изнутри, изъ глубины сердца поднимающійся порывъ умиленія, вздохъ надежды, голосъ скорби, — какъ непосредственно-интимное психическое переживаніе, — вотъ что вновь испыталъ Лаврецкій съ потрясающей силой. Послѣ пріѣзда своей жены, разрушившаго всѣ надежды Лаврецкаго на личное счастье съ Лизой, онъ въ надеждѣ увидѣться съ ней отправился въ церковь. Тамъ ему пришлось быть свидѣтелемъ глубокаго горя. «Мужикъ съ густой бородой и угрюмымъ лицомъ, взерошенный и измятый, вошелъ въ церковь, разомъ сталъ на оба колѣна и тотчасъ же принялся поспѣшно креститься, закидывая назадъ и встряхивая голову послѣ cadaго поклона. Такое горькое горе сказывалось въ его лицѣ, во всѣхъ его движеніяхъ, что Лаврецкій рѣшилъ подойти къ нему и спросить его, чтѣ съ нимъ. Мужикъ пугливо и сурово отшатнулся, посмотрѣлъ на него... «сынъ померъ», произнесъ онъ скороговоркой, — и снова принялся класть поклоны... — «Что для нихъ можетъ замѣнить утѣшенія церкви», — подумалъ Лаврецкій, — и самъ попытался молиться; но сердце его отяжелѣло, ожесточилось, и мысли были далеко» (382). Конечно, коренные перевороты въ міровоззрѣніи не могутъ происходить моментально, катастрофически, но мы видимъ, какъ близко Лаврецкій подошелъ къ Лизѣ въ своихъ религіозныхъ переживаніяхъ.

Не менѣе существеннымъ и благотворнымъ было вліяніе Лизы и на этическіе взгляды Лаврецкаго. Благодаря знакомству съ нравственно-возвышеннымъ обликомъ Лизы, Лаврецкій постигъ, «что значить чистая женская душа», и его «прошедшее еще больше отъ него отодвинулось» (313). Онъ полюбилъ ее «не какъ мальчикъ» (325), но какъ зрѣлый, много извѣдавшій въ жизни человекъ, который стремится не къ субъективнымъ и призрачнымъ восторгамъ любовныхъ наслажденій, но къ «строгому, честному труду» (320), къ совмѣстному осуществленію объективныхъ, устойчивыхъ цѣнностей. Впрочемъ, это перенесеніе центра тяжести изъ области непосредственно-субъективныхъ переживаній въ сферу объективныхъ цѣнностей было выполнено Лаврецкимъ и осознано имъ, какъ основной жизненный принципъ, лишь въ послѣдствіи подъ вліяніемъ опять-таки Лизы, ея подвига. Не постигая еще въ полной мѣрѣ всей высоты нравственнаго идеала

Лизы, ея цѣльности и неспособности къ компромиссу, Лаврецкій, вначалѣ пытался было даже внушить ей стремленіе къ личному счастью, какъ къ высшей цѣнности въ жизни. «Слушайте вашего сердца», говорилъ онъ ей; «оно одно вамъ скажетъ правду... Опытъ, разсудокъ — все это прахъ и суета! Не отнимайте у себя лучшаго, единственнаго счастья на землѣ». «Для иныхъ людей бракъ по любви можетъ быть несчастьемъ; но не для васъ, съ вашимъ спокойнымъ нравомъ, съ вашей ясной душой!» (315). Въ этихъ словахъ Лаврецкій является представителемъ эвдемонистическаго идеала, утверждая, что цѣлью жизни служить счастье и что къ нему лучше всего ведетъ наше непосредственное чувство, сердце, какъ прямой источникъ субъективно-пріятныхъ переживаній. О возможности иной цѣли жизни и иныхъ путей, кромѣ «брака по любви» (315), Лаврецкій и не подозреваетъ.

Послѣ свиданія съ Лизой въ саду, когда Лаврецкій узналъ, что любимъ ею, онъ вновь пережилъ то восторженное опьяненіе любовью, которое онъ испыталъ въ молодости. «Чувство неожиданной, великой радости наполняло его душу; всѣ сомнѣнія въ немъ замерли» (333). Вновь предъ нимъ возникъ волшебный призракъ личнаго счастья, счастья раздѣленной любви. Цѣль жизни вновь казалась близкой, заманчивой и ясной. Нахлынувшей волной непосредственнаго чувства всѣ сомнѣнія его о смыслѣ жизни были сразу смыты, какъ случайная житейская накипь. Однако, быстро наступившая вслѣдъ затѣмъ полная перемѣна обстоятельствъ, сразу и рѣзко оборвавшая всѣ мечты Лаврецкаго о возможности счастья, показала ему, что нельзя рѣшать вопроса о цѣли и смыслѣ жизни подъ стихійнымъ давленіемъ субъективно-случайныхъ переживаній нашего сердца, что долженъ быть выслушанъ болѣе суровый и спокойный голосъ «разсудка, опыта» (315), говорящій о долгѣ и объективно-цѣнныхъ задачахъ жизни. На этомъ именно пути стояла Лиза и сразу, нисколько не растерявшись въ тяжелую минуту жизни, указала Лаврецкому на нравственную необходимость «покориться», «исполнить долгъ», отречься отъ всякихъ притязаній на личное счастье (373).

Огромнаго нравственнаго усилія стоило Лаврецкому отрѣшиться отъ внушеній непосредственнаго чувства и поставить вопросъ о правѣ своемъ на личное счастье на принципіальную почву. «Ты захотѣлъ вторично извѣдать счастья въ жизни», — говорилъ онъ самъ себѣ, — «ты позабылъ, что и то роскошь, незаслуженная милость, когда оно хоть однажды посѣтитъ чело-вѣка. Оно не было полно, оно было ложно, скажешь ты; да предъяви же свои права на полное, истинное счастье! Оглянись, кто вокругъ тебя блаженствуетъ, кто на-

слаждается? Вонь, мужикъ ѣдетъ на косьбу; можетъ быть, онъ доволенъ своею судьбою... Что жь, захотѣлъ ли ты помѣняться съ нимъ? Вспомни мать свою: какъ ничтожно-малы были ея требованія, и какова выпала ей доля?... Возьмусь за дѣло, стиснувъ зубы, да и велю себѣ молчать; благо, мнѣ не въ первый разъ брать себя въ руки» (367—8).

Такимъ образомъ, Лаврецкій старался смягчить непосредственную остроту личнаго горя, сопоставляя его съ непредѣльнымъ народнымъ страданіемъ, въ которомъ оно тонуло, какъ капля въ морѣ. Тѣмъ самымъ Лаврецкій невольно приобщался къ народной массѣ, психологически становился ближе къ ней и ея нравственнымъ идеаламъ. Въ духѣ этихъ идеаловъ дѣйствовалъ на него и краткій образъ матери-страдалицы, который напоминалъ объ иныхъ, болѣе возвышенныхъ задачахъ жизни, чѣмъ личное счастье и упорное отстаиваніе своихъ правъ и интересовъ, — онъ говорилъ о возможно большемъ умаленіи эгоистическихъ требованій и притязаній, о полномъ безкорыстіи, самоотреченіи и любви. Героическій подвигъ Лизы, ушедшей въ монастырь, довершилъ эту тяжелую внутреннюю работу Лаврецкаго надъ перестройкой нравственныхъ основъ жизни и міровоззрѣнія. Въ его душѣ «совершился, наконецъ, переломъ, котораго многіе не испытываютъ, но безъ котораго нельзя остаться порядочнымъ человѣкомъ до конца: онъ дѣйствительно пересталъ думать о собственномъ счастьѣ, о своекорыстныхъ цѣляхъ» (396). Итакъ, міровоззрѣніе Лаврецкаго въ его положительныхъ религіозно-нравственныхъ и національныхъ элементахъ было выработано длительнымъ и тяжелымъ жизненнымъ процессомъ и представляетъ собою лишь обнаруженіе, развитіе и осознаніе тѣхъ началъ, которыя, въ скрытой формѣ лежали въ подсознательной сферѣ.

3. Осуществленіемъ жизненной задачи «Лаврецкій имѣлъ право быть довольнымъ: онъ сдѣлался дѣйствительно хорошимъ хозяиномъ, дѣйствительно выучился пахать землю и трудился не для одного себя; онъ, насколько могъ, обезпечилъ и упрочилъ быть своихъ крестьянъ» (396). Такимъ образомъ, Лаврецкій и Лиза дополняютъ другъ друга въ дѣлѣ осуществленія нравственнаго идеала. Лиза избрала путь внутренняго нравственнаго самоусовершенствованія, Лаврецкій — путь внѣшняго воплощенія нравственнаго добра. Найдя свою настоящую дорогу, Лаврецкій понялъ, что своими исканіями, своимъ опытомъ онъ расчистилъ почву слѣдующему поколѣнію. «Играйте, веселитесь, растите молодая силы», думалъ онъ, мысленно обращаясь къ молодежи: «жизнь у васъ впереди, и вамъ легче будетъ жить: вамъ не придется, какъ намъ, отыскивать свою дорогу, бороться,

падать и вставать среди мрака; мы хлопотали, какъ бы уцѣлѣть — и сколько изъ насъ не уцѣлѣло! — а вамъ надобно дѣло дѣлать, работать, — и благословеніе нашего брата старика будетъ съ вами» (396).

Лаврецкому приходилось отыскивать свою дорогу среди мрака противорѣчивыхъ внушеній, вынесенныхъ съ дѣтства, въ вихрѣ жизненныхъ потрясеній, соблазновъ и тревогъ. Ему пришлось преодолѣвать стихійные порывы своей натуры, примирять внутреннія противорѣчія, ощупью вскрывать глубокія положительныя основы своего подсознательнаго «я» и очищать ихъ отъ постороннихъ наслоеній. Вотъ почему такъ труденъ и длителенъ былъ путь его нравственнаго самоопредѣленія. Опытъ его жизни говоритъ объ опасности тѣхъ искаженій, которыя нерѣдко вносятся неправильнымъ воспитаніемъ въ посознательную сферу человѣка.

Обломовъ.

1. Подсознательная сфера.

Гончаровъ отлично понималъ огромное значеніе подсознательнаго фактора въ жизни человѣка и потому съ особеннымъ вниманіемъ останавливался на изображеніи тѣхъ условій, среди которыхъ впервые раскрывается и зрѣетъ подсознательное «я», т.-е. условій дѣтства и воспитанія. «Кто знаетъ», говоритъ онъ, «какъ рано начинается развитіе умственнаго зерна въ дѣтскомъ мозгу? Какъ услѣдить за рожденіемъ въ младенческой душѣ первыхъ понятій и впечатлѣній? Можетъ быть, когда дитя еще едва выговаривало слова, а можетъ быть еще вовсе не выговаривало, даже не ходило, а только смотрѣло на все тѣмъ пристальнымъ нѣмымъ дѣтскимъ взглядомъ, который взрослые называютъ тупымъ, оно уже видѣло и угадывало значеніе и связь явленій окружающей его сферы, да только не признавалось въ этомъ ни себѣ ни другимъ». (Гончаровъ. «Собр. соч.», изд. 3-е Глазунова, 1896 г., томъ II, стр. 154—5).

Въ этихъ словахъ Гончаровъ явно склоняется на сторону волюнтаристической теоріи личности, признавая въ душѣ человѣка существованіе «умственнаго зерна», т.-е. самостоятельнаго, независимаго отъ внѣшнихъ вліяній духовнаго центра, надѣленнаго способностью замѣчать и «угадывать значеніе и связь явленій окружающей сферы», т.-е. выполнять довольно сложную и активную подсознательную работу. У Обломова это «умственное зерно», по-видимому, уже заранѣе было предрасположено въ силу наслѣд-

ственныхъ особенностей къ воспріятію и усвоенію тѣхъ впечатлѣній, которыя давала окружающая жизнь. «Ни одна черта, ни одна мелочь не ускользаетъ отъ пытливаго вниманія ребенка; неизгладимо врѣзывается въ душу картина домашняго быта; напитывается мягкій умъ живыми примѣрами и бессознательно чертитъ программу своей жизни по жизни, его окружающей» (томъ II, стр. 139).

Норма этой жизни сложилась давно и передавалась отъ одного поколѣнія къ другому «съ завѣтомъ блюсти ея цѣлость и неприкосновенность, какъ огонь Весты» (томъ II, ч. I, стр. 156). Дѣйствіе ея на душу Обломова было неотразимо-могущественнымъ. Тѣ элементы въ душевномъ мірѣ Обломова, которые не соотвѣтствовали этому дѣйствію, обречены были на постепенную гибель. «Ищущія проявленія силы обращались внутрь и никли, увядая» (182). Весьма краснорѣчивы заявленія самого Обломова о ходѣ своего душевнаго развитія. «Въ жизни моей», говорилъ онъ Штольцу, «никогда не загоралось никакого ни спасительнаго ни разрушительнаго огня». «Жизнь моя началась съ погасанія. Съ первой минуты, когда я созналъ себя, я почувствовалъ, что я уже гасну» (т. II, ч. II, стр. 44). «Во мнѣ былъ запертъ свѣтъ, который искалъ выхода, но только жегъ свою тюрьму, не вырвался на волю и угасъ» (45).

Въ дѣтскомъ возрастѣ Обломовъ далеко не лишенъ былъ извѣстной живости ума и темперамента. Нерѣдко онъ чувствовалъ, что «въ немъ играетъ что-то, кипитъ, точно поселился бѣсенокъ какой-нибудь, который такъ и поддразниваетъ его то влѣзть на крышу, то сѣсть на савраску да поскакать въ луга, гдѣ сѣно косятъ, или посидѣть на заборѣ верхомъ, или поддразнить деревенскихъ собакъ; или вдругъ захочется пуститься бѣгомъ по деревнѣ, потомъ въ поле по буеракамъ въ березнякъ, да въ три скачка броситься на дно оврага, или увязаться за мальчишками играть въ снѣжки, попробовать свои силы» (т. II, ч. I, стр. 182—3). Въ то время, когда въ Обломовкѣ всѣ погружались въ послѣобѣденный сонъ, Илюша «взбѣгалъ на галлерею, обѣгалъ по скрипучимъ доскамъ кругомъ, лазилъ на голубятню, забирался въ глушь сада, слушалъ, какъ жужжить жукъ, и далеко слѣдилъ глазами за его полетомъ въ воздухъ; прислушивался, какъ кто-то все стрекочетъ въ травѣ, искалъ и ловилъ нарушителей этой тишины» и т. д. (ibid., 144). Но всѣ эти проявленія внутренней активности и самостоятельности постепенно заглохли, не находя благопріятныхъ внѣшнихъ условій для своего развитія. Душевный строй Обломова сформировался въ полномъ соотвѣтствіи съ характеромъ окружающей природы и особенностями бытового уклада жизни. Гончаровъ цѣлѣя страницы посвя-

щаетъ «географіи мирнаго уголка», гдѣ росъ и развивался его герой. Отсутствіе грозныхъ и величественныхъ явленій природы, поражающихъ воображеніе человѣка и подавляющихъ его волю, строгая правильность и постепенность въ послѣдовательной смѣнѣ временъ года, тепла и холода, свѣта и тьмы — «все сулитъ тамъ покойную, долговременную жизнь до желтизны волосъ и незамѣтную, сну подобную смерть» (т. I, ч. I, стр. 127). «Небо распростерлось такъ невысоко надъ головой, какъ родительская надежная кровля, чтобъ уберечь, кажется, избранный уголокъ отъ всякихъ невзгодъ». «Рѣка ч у т ь ч у т ь пол з е т ь по камешкамъ, выпуская изъ себя по сторонамъ рѣзвые ручьи, подъ журчанье которыхъ с л а д к о дре м л е т с я». «Правильно и невозмутимо совершается тамъ годовой кругъ» (127). «Ни страшныхъ бурь ни разрушеній не слышать въ томъ краю». «Нѣтъ ни львовъ рыкающихъ, ни тигровъ ревущихъ, ни даже медвѣдей и волковъ, потому что нѣтъ лѣсовъ. По полямъ и по деревнѣ бродятъ только въ обиліи коровы жующія, овцы блѣющія и куры кудахтающія» (129). Какова природа, таковы и люди. «Тишина и невозмутимое спокойствіе царствуютъ и въ нравахъ людей въ томъ краю. Ни грабежей, ни убійствъ, никакихъ страшныхъ случайностей не бывало тамъ; ни сильныя страсти, ни отважныя предпріятія не волновали ихъ». «Интересы ихъ были сосредоточены на нихъ самихъ, не перекрещивались и не соприкасались ни съ чьими» (132). «Забота о пищѣ была первая и главная жизненная забота въ Обломовкѣ» (141). Неменьшее значеніе придавалось сну. Гончаровъ рисуетъ эпическую картину «всеобщаго послѣобѣденнаго сна». «Это былъ какой-то всепоглощающій, ничѣмъ непобѣдимый сонъ, истинное подобіе смерти. Все мертво, только изъ всѣхъ угловъ несетъ разнообразное храпѣніе на всѣ тоны и лады» (143). Это было «господствовавшая въ Обломовкѣ повальная болѣзнь». Въ сущности, сонъ представляетъ наиболѣе характерное выраженіе, квинтъ-эссенцію обломовщины. Вся жизнь обломовцевъ есть непрерывный сонъ разныхъ видовъ и степеней. «Не слыхивали они о такъ называемой многотрудной жизни, о людяхъ, носящихъ томительныя заботы въ груди, спующихъ зачѣмъ-то изъ угла въ уголь по лицу земли или отдающихъ жизнь вѣчному, нескончаемому труду. Плохо вѣрили обломовцы и душевнымъ тревогамъ, не принимали за жизнь круговорота вѣчныхъ стремленій куда-то, къ чему-то; боялись, какъ огня, увлеченія страстей; и какъ въ другомъ мѣстѣ тѣло у людей быстро сгорало отъ вулканической работы внутренняго, душевнаго огня, такъ душа обломовцевъ мирно, безъ помѣхи утопала въ мягкомъ тѣлѣ» (155). «Добрые люди понимали жизнь не иначе,

какъ идеаломъ покоя и бездѣйствія, нарушаемаго по временамъ разными неприятными случайностями, какъ-то: болѣзнями, убытками, ссорами и, между прочимъ, трудомъ. Они сносили трудъ, какъ наказаніе, наложенное еще на праотцевъ нашихъ, но любить не могли, и гдѣ былъ случай, всегда отъ него избавлялись, находя это возможнымъ и должнымъ. Они никогда не смущали себя никакими туманными умственными или нравственными вопросами» (156).

Итакъ, «идеаль покоя и бездѣйствія», пониженный темпъ жизнедѣятельности, низведеніе всей жизни до состоянія какого-то стихійнаго прозябанія, непрерывнаго сна, — вотъ «значеніе и связь явленной окружающей среды», которыя угадывалъ Обломовъ подсознательнымъ чутьемъ еще въ раннюю пору своего дѣтства. Таково было стихійное вліяніе быта. Въ полномъ согласіи съ нимъ дѣйствовало и воспитаніе. Няня нашептывала Илюшѣ «въ безконечный зимній вечеръ о какой-то невѣдомой сторонѣ, гдѣ текутъ рѣки меду и молока, гдѣ никто ничего круглый годъ не дѣлаетъ, а день-денской только и знаютъ, что гуляютъ все добрые молодцы, такіе, какъ Илья Ильичъ»... «Тамъ есть и добрая волшебница, которая избересть себѣ какого-нибудь любимца, тихаго, безобиднаго, другими словами, какого-нибудь лѣнтяя, котораго всѣ обижаютъ, да и осыпаетъ его ни съ того ни съ сего разнымъ добромъ, а онъ знай кушаетъ себѣ да наряжается въ готовое платье, и потомъ женится на какой-нибудь неслыханной красавицѣ Милитрисѣ Кирбитьевнѣ» (148).

Образы этихъ сказокъ глубоко запали въ душу ребенка, образуя въ ней источникъ подсознательныхъ внушеній и тяготѣній. Илюша «невольнo мечтаетъ о Милитрисѣ Кирбитьевнѣ; его все тянетъ въ ту сторону, гдѣ только и знаютъ, что гуляютъ, гдѣ нѣтъ заботъ и печалей; у него навсегда остается расположеніе полежать на печи, походить въ готовомъ, незаработанномъ платьѣ и поѣсть на счетъ доброй волшебницы» (149). Неменьшее впечатлѣніе на душу ребенка производили и другого рода рассказы няни: о подвигахъ нашихъ былинныхъ богатырей, о борьбѣ ихъ съ несмѣтными полчищами басурманъ, о злыхъ разбойникахъ, чудовищахъ, лѣшихъ, оборотняхъ — о всѣхъ тѣхъ ужасахъ, которые создало испуганное воображеніе первобытнаго человѣка, «когда онъ еще не ладилъ съ опасностями и тайнами природы и жизни и у Алеши Поповича искалъ защиты отъ окружавшихъ его бѣдъ» (150). Подъ вліяніемъ этихъ рассказовъ страхъ предъ жизнью и ея невѣдомыми силами овладѣлъ душой Илюши. «Боязнь и тоска засѣли надолго, можетъ быть, навсегда въ душу. Онъ печально озирается вокругъ и все видитъ въ жизни вредъ, бѣду, все мечтаетъ о той волшеб-

ной сторонѣ, гдѣ нѣтъ зла, хлопотъ, печалей, гдѣ живетъ Милитриса Кирбитьевна, гдѣ такъ хорошо кормятъ и одѣваютъ д а р о м ъ» (152).

Такое вліяніе няни на Обломова зависѣло не только отъ содержанія ея разсказовъ, но и отъ особенностей подсознательной сферы питомца. Въ томъ сказочномъ матеріалѣ, которымъ питалось воображеніе Илюши, были разные элементы, — и такіе, которые могли подавлять активность и самодѣятельность ребенка, — и такіе, которые способны были, напротивъ, внушить энергію въ борьбѣ за счастье, правду и справедливость. Недаромъ Илюша «то бодрился, воображая себя героемъ подвига — и мурашки бѣгали у него по спинѣ, то страдалъ за неудачи храбреца (151), то, объятый невѣдомымъ ужасомъ, жался къ нянѣ со слезами на глазахъ» (152). Если же въ душѣ Илюши возобладали и упрочились лишь опредѣленные психическія реакціи — въ смыслѣ «недѣланія», ухода отъ жизни, однимъ словомъ, обломовщины, то, очевидно, здѣсь сказывается незамѣтное дѣйствіе подсознательнаго фактора, — того самостоятельнаго «умственного зерна», о которомъ упомянулъ мимоходомъ авторъ. Подсознательное «я» Обломова проявлялось и въ томъ пассивномъ противодѣйствіи, какое онъ оказывалъ ученю. «Какъ только проснется онъ въ понедѣльникъ, на него уже нападаетъ тоска. Онъ слышитъ рѣзкій голосъ Васьки, который кричитъ съ крыльца: Антипка! Закладывай пѣгую: барченка къ нѣмцу везти! Сердце дрогнетъ у него. Онъ печальный приходитъ къ матери» (177). «И нѣжные родители старались пріискать предлоги удержать сына дома» (179). Они не понимали внутренней цѣнности образованія и стремились только къ внѣшней выгодѣ его. Имъ хотѣлось «обойти тайкомъ разбросанные по пути просвѣщенія камни и преграды, не трудясь перескакивать черезъ нихъ, то-есть, напрымѣръ, учиться слегка, не до изнуренія души и тѣла, не до утраты благословенной, въ дѣтствѣ пріобрѣтенной полноты, а такъ, чтобы только соблюсти предписанную форму и добыть какъ-нибудь аттестатъ» (180). «Вся эта обломовская система воспитанія встрѣтила сильную оппозицію въ системѣ Штольца. Борьба съ обѣихъ сторонъ была упорная» (181). Въ этой борьбѣ самъ Илюша Обломовъ былъ, конечно, на сторонѣ своихъ родителей согласно внушеніямъ своей подсознательной сферы. Дальнѣйшее ученіе Обломова въ Москвѣ протекало въ такихъ же психологическихъ условіяхъ. «Онъ по необходимости сидѣлъ въ классѣ прямо, слушалъ, что говорили учителя, потому что другого ничего нельзя было дѣлать, и съ трудомъ, пѣтомъ, со вздохами выучивалъ задаваемые ему уроки. Дальше той строки, подъ которой учитель, задавая урокъ, проводилъ ногтемъ черту, онъ не заглядывалъ, разспросовъ никакихъ ему

не дѣлалъ и поясненій не требовалъ» (т. II, ч. I, стр. 75). «Такъ довершилъ свое учебное поприще Обломовъ. То число, въ которое онъ выслушалъ послѣднюю лекцію, и было геркулесовыми столбами его учености» (77). Въ результатѣ «голова его представляла сложный архивъ мертвыхъ дѣлъ, лицъ, эпохъ, цифръ, религій, ни чѣмъ не связанныхъ политико-экономическихъ, математическихъ или другихъ истинъ, задачъ, положеній и т. п. Это была какъ-будто библіотека, состоящая изъ однихъ разрозненныхъ томовъ, по разнымъ частямъ знанія» (78). Отсутствіе внутренней связи въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя Обломовъ вынесъ изъ школы, объясняется тѣмъ, что знанія его усвоились и накопились чисто-механически путемъ внѣшняго внѣдренія, а не въ процессѣ внутренняго, органическаго роста. Они ложились на душу его извнѣ мертвымъ балластомъ, не вызывая никакой творческой, живой работы въ его внутреннемъ мірѣ, не встрѣчая въ немъ никакихъ запросовъ, никакихъ исканій. «У него между наукой и жизнью лежала цѣлая бездна, которой онъ не пытался перейти. Жизнь у него была сама по себѣ, а наука сама по себѣ» (78).

Итакъ, краткій обзоръ дѣтскихъ лѣтъ Обломова даетъ намъ возможность составить себѣ вполне опредѣленное представленіе о характерѣ его подсознательной сферы. Основная черта ея—слабая активность въ широкомъ смыслѣ этого слова, стремленіе къ возможно меньшей затратѣ жизненныхъ силъ, пониженный тонъ и темпъ психическихъ процессовъ; въ частности—слабые умственные запросы, отвращеніе къ труду и ко всякому напряженію чувства, мысли и воли. Отсюда страхъ предъ жизнью съ ея непредвидимыми случайностями, неожиданными тревогами и всяческими нарушеніями средней нормы, привычныхъ и неподвижныхъ формъ быта.

2. Міровоззрѣніе.

Противорѣчія между внутренними, подсознательными влеченіями и внѣшними условіями жизни вызываютъ состояніе неудовлетворенности, внутренняго разлада и беспокойства, — состояніе, которое побуждаетъ человѣка, съ одной стороны, выяснитъ себѣ свои стремленія и идеалы, отдать себѣ въ нихъ полный отчетъ, осознать ихъ и оформить въ стройномъ міровоззрѣніи; съ другой, — пересоздать міровоззрѣніемъ въ соотвѣтствіи съ этимъ свою внѣшнюю жизнь и привести ее въ полную гармонію съ внутреннимъ «я». Такой именно процессъ мы наблюдаемъ въ жизни Обломова.

Не зная еще хорошенько самого себя, Обломовъ въ молодости «былъ полонъ р а з н ы х ъ стремленій, все чего-то надѣялся, ждалъ

многаго и отъ судьбы и отъ самого себя; все готовился къ поприщу, къ роли — прежде всего, разумѣется, въ службѣ, что и было цѣлью его прїѣзда въ Петербургъ» (67). Но служба противорѣчила всему складу его психики. «Онъ до того былъ проникнутъ семейнымъ началомъ, что и будущая служба представлялась ему въ видѣ какого-то семейнаго занятія, въ родѣ, напр., лѣниваго записыванія въ тетрадку прихода и расхода, какъ дѣлывалъ его отецъ». «Онъ полагалъ, что чиновники одного мѣстасоставляли между собою дружную, тѣсную семью, неусыпно пекущуюся о взаимномъ спокойствіи и удовольствіяхъ, что посѣщеніе присутственнаго мѣста отнюдь не есть обязательная привычка, которой надо придерживаться ежедневно». Его поражало на службѣ, что «всѣ куда-то торопились, ни на чемъ не останавливались: не успѣютъ спустить съ рукъ одно дѣло, какъ ужъ опять съ яростью хватаются за другое, какъ-будто въ немъ вся сила и есть, и, кончивъ, забудутъ его и кидаются на третье — и конца этому никогда нѣтъ!» (68). Отправивъ какую-то нужную бумагу, вмѣсто Астрахани, въ Архангельскъ, Обломовъ окончательно убѣдился въ своей непригодности къ службѣ и подалъ въ отставку.

Свѣтская жизнь также не дала ему полного удовлетворенія. Сначала «онъ волновался, какъ и всѣ, надѣялся, радовался пустякамъ и отъ пустяковъ же страдалъ» (71). Но скоро, охладѣвъ и къ женщинамъ и къ друзьямъ, онъ погрузился «весь по-уши въ свое одиночество и уединеніе» (73). «Измѣнивъ службѣ и обществу, онъ началъ иначе рѣшать задачу существованія, в д у м ы в а л с я в ъ с в о е н а з н а ч е н і е и, наконецъ, открылъ, что горизонтъ его дѣятельности и житяя-бытья кроется въ немъ самомъ» (78). Это и былъ моментъ самопознанія и самоопредѣленія, періодъ выработки сознательнаго міровоззрѣнія.

Обломовъ не былъ философомъ-мыслителемъ. Ему были совершенно чужды какіе-либо теоретическіе интересы. Все вниманіе его было поглощено непосредственными нуждами и запросами текущей практической жизни, при чемъ на первомъ планѣ стоялъ вопросъ о личномъ счастьи. Потерпѣвъ неудачу на службѣ, разочаровавшись въ свѣтской жизни, Обломовъ окончательно остановился на идеалѣ тихаго счастья. «Нормой жизни» онъ считалъ такое существованіе, которое было бы и исполнено содержанія и текло бы тихо, день за днемъ, капля по каплѣ, въ нѣмомъ созерцаніи природы и тихихъ, едва ползущихъ явленіяхъ семейной, мирно-хлопотливой жизни. Ему не хотѣлось воображать ее широкой, шумно-несущейся рѣкой съ кипучими волнами, какъ воображалъ ее Штольць. «Это болѣзнь», говорилъ Обломовъ, «горячка, скаканіе съ порогами, съ прорывами

плотины, съ наводненіями» (т. III, ч. III, стр. 69). Содержаніе этой жизни рисовалось воображенію Обломова въ слѣдующихъ картинахъ. «Ему представилось, какъ онъ сидитъ въ лѣтній вечеръ на террасѣ за чайнымъ столомъ подъ непроницаемымъ для солнца навѣсомъ деревьевъ, съ длинной трубкой, и лѣнливо втягиваетъ въ себя дымъ, задумчиво наслаждаясь открывающимся изъ-за деревьевъ видомъ, прохладой, тишиной... Праздная дворянка сидитъ у воротъ; тамъ слышатся веселые голоса, хохоть, балалайка, дѣвки играютъ въ горѣлки; кругомъ самого его рѣзвятся его малютки, лѣзутъ къ нему на колѣни, вѣшаютъ ему на шею; за самоваромъ сидитъ... царица всего окружающаго, его божество... женщина! жена!» (т. II, ч. I, стр. 95). «Онъ думалъ о маленькой колоніи друзей, которые непремѣнно будутъ съѣзжаться другъ къ другу въ гости, обѣдать, ужинать, танцовать; ему видятся все ясные дни, ясныя лица, безъ заботъ и морщинъ, смѣющіяся, круглыя, съ яркимъ румянцемъ, съ двойнымъ подбородкомъ и неувядающимъ аппетитомъ; будетъ вѣчное лѣто, вѣчное веселье, сладкая ѣда, да сладкая лѣнь»... (96). «Въ глазахъ собесѣдниковъ увидишь симпатію, въ шуткѣ искренній, незлобный смѣхъ... Все по душѣ! Что въ глазахъ, въ словахъ, то и на сердцѣ!» (т. II, ч. II, стр. 38). Въ этой картинѣ обломовскаго счастья необходимо отмѣтить слѣдующія характерныя черты. Прежде всего мы видимъ здѣсь стремленіе къ полному покою — какъ во внѣшнемъ складѣ жизни, такъ и во внутреннихъ переживаніяхъ. Покой, отдыхъ признается абсолютной, самодовлѣющей цѣлью жизни. «Всѣ ищутъ отдыха, покоя», по мнѣнію Обломова. «Цѣль всей вашей бѣготни», говорилъ онъ Штольцу, «страстей, войнъ, торговли и политики развѣ не выдѣлка покоя, не стремленіе къ этому идеалу утраченнаго счастья?» (т. II, ч. II, стр. 40—41).

Размышляя на эту тему, Обломовъ выработалъ какую-то своеобразную философію покоя. По его мнѣнію, въ человѣческой жизни нужно различать двѣ стороны: покой и движеніе, которыя составляютъ два вѣчныхъ и равноправныхъ начала всякаго бытія. Одни люди осуществляютъ въ своей жизни — покой, другіе — движеніе, смотря по своимъ внутреннимъ склонностямъ. Жизнь Обломова предназначена для того, чтобы «выразить возможность идеально-покойной стороны человѣческаго бытія. Другимъ, думалъ онъ, выпадало на долю выражать ея тревожныя стороны, двигать создающими и разрушающими силами: у всякаго свое назначеніе!» (т. III, ч. IV, стр. 136). Такой философіей Обломовъ пытался оправдать свое существованіе, найти для него опредѣленный смыслъ и мѣсто въ общей системѣ человѣческихъ отношеній и мірозданія.

Это стремленіе Обломова къ покою особенно любопытно обнаруживается въ его взглядѣ на любовь и вообще на жизнь сердца. «Въ мечтахъ предъ нимъ носился образъ высокой, стройной женщины съ покойно-сложенными на груди руками, съ тихимъ, но гордымъ взглядомъ, какъ идеаль, какъ воплощеніе цѣлой жизни, исполненной нѣги и торжественнаго покоя, какъ самъ покой». «Онъ не хотѣлъ видѣть трепета въ ней, слышать горячей мечты, внезапныхъ слезъ, томленія, изнеможенія и потомъ бѣшенаго перехода къ радости». «Подлѣ гордо-стыдливой, покойной подруги спитъ беззаботно человѣкъ. Онъ засыпаетъ съ увѣренностью проснувшись встрѣтить тотъ же кроткій, симпатичный взглядъ. Да не это ли тайная цѣль всякаго и всякой — найти въ своемъ другѣ неизмѣнную физиономію покоя, вѣчное и ровное теченіе чувства?» «Страсть! все это хорошо въ стихахъ да на сценѣ, гдѣ въ плащахъ съ ножами расхаживаютъ актеры, а потомъ идутъ — и убитые и убійцы — вмѣстѣ ужинать» (71—2 стр., т. II, ч. II). «Страсть надо ограничить, задушить и утопить въ женитьбѣ»... Идеаль Обломова — «вѣчно-ровное бѣненіе покойно-счастливаго сердца, вѣчное нравственное здоровье» (72).

Но покой самъ по себѣ представляетъ лишь пустую форму психическихъ переживаній; наполнить ее должно опредѣленное содержаніе, которое и составляетъ цѣль человѣческой жизни. Покой, въ сущности, нуженъ для того, чтобы не раздроблять ни вниманія, ни душевныхъ силъ, но собрать ихъ въ одинъ нераздѣльный потокъ, въ одинъ фокусъ и направить туда, гдѣ ярко свѣтитъ наслажденіе, счастье, блаженство. Обнявъ жену за талью, мечтаетъ Обломовъ, «углубиться съ ней въ безконечно темную аллею; итти тихо, задумчиво, молча, или думать вслухъ, мечтать, считать минуты счастья, какъ бѣненіе пульса; слушать, какъ сердце бьется и замираетъ; искать сочувствія въ природѣ» (т. II, ч. II, стр. 37). Вотъ «поэтический идеаль жизни» (49). Въ немъ поражаетъ полное отсутствіе труда, какъ одного изъ необходимыхъ элементовъ счастья и какъ неизбѣжнаго условія истинно-человѣческаго существованія. «Ты выгналъ трудъ изъ жизни», справедливо замѣтилъ ему Штольцъ. Для Обломова трудъ есть нѣчто рабское, унизительное, своекорыстное. Какъ признакъ бѣдности человѣка, его подневольнаго, зависимаго положенія, трудъ, по мнѣнію Обломова, несомвѣстимъ ни съ достоинствомъ человѣка, ни со счастьемъ его. «Другой» работаетъ безъ усталы, бѣгаетъ, суетится», по словамъ Обломова; «не поработаетъ, такъ и не поѣстъ. «Другой» кланяется, проситъ, унижается. А я? Да развѣ я мечусь, развѣ рабо-

таю?» (т. I, ч. I, 116 стр.). Такой взгляд на трудъ, несомнѣнно, возникъ и упрочился подъ вліяніемъ крѣпостного права. Выросшій въ атмосферѣ крѣпостного права, Обломовъ не могъ себѣ представить сколько-нибудь сноснаго существованія безъ дарового труда крѣпостныхъ. Крѣпостное право въ его глазахъ было такимъ же естественнымъ, прочнымъ и неизмѣннымъ фактомъ, какъ земля, воздухъ, небо. Ему и въ голову не приходила мысль о несправедливости крѣпостныхъ отношеній или оскорбительности ихъ для человѣческаго достоинства. Едва ли его можно назвать крѣпостникомъ въ смыслѣ сознательнаго убѣжденія и опредѣленнаго соціальнаго міровоззрѣнія. Ему было чуждо личное и классовое своекорыстіе. Для этого онъ былъ слишкомъ добрѣ, непритязателенъ и пассивенъ. Онъ просто пользовался извѣстными соціальными преимуществами, связанными съ крѣпостнымъ правомъ, но не возводилъ ихъ въ принципъ и не строилъ на этомъ принципѣ крѣпостническаго міровоззрѣнія. Какъ мало онъ задумывался надъ соціальными отношеніями, видно изъ того, что онъ не имѣлъ понятія объ основныхъ элементахъ соціальнаго строя, каковы барщина, оброкъ и пр. «Я не знаю, говоритъ онъ, что такое барщина, что такое сельскій трудъ, что значить бѣдный мужикъ, что — богатый; не знаю, что значить четверть ржи или овса, что она стоитъ, въ какомъ мѣсяцѣ и что сѣютъ и жнутъ, какъ и когда продаютъ; не знаю, богатъ ли я или бѣденъ, буду ли я черезъ годъ сытъ или буду нишій — я ничего не знаю!» (т. III, ч. III, стр. 97). Пользуясь даровымъ трудомъ крестьянъ, Обломовъ чувствуетъ нравственную обязанность позаботиться о томъ, «чтобъ крестьяне не потерпѣли ни въ чемъ нужды, чтобъ не позавидовали чужимъ, чтобъ не плакались на меня Господу Богу на страшномъ судѣ, а молились бы да поминали меня добромъ» (т. II, ч. I, стр. 118). Но по своей непрактичности, незнанію жизни и лѣни онъ ничего не сдѣлалъ для улучшенія быта своихъ крѣпостныхъ. Вообще Обломову не чужды были идеалистическіе порывы, но они носили слишкомъ отвлеченный характеръ, отдавали маниловщиной. «Ему доступны были, говоритъ авторъ, наслажденія высокихъ порывовъ; онъ не чуждъ былъ всеобщихъ человѣческихъ скорбей. Онъ горько въ глубинѣ души плакалъ въ иную пору надъ бѣдствіями человѣчества, испытывалъ безвѣстныя, безыменныя страданія, и тоску, и стремленіе куда-то вдаль... Сладкія слезы потекутъ по его щекамъ»... (т. II, ч. I, стр. 81). Но эта «внутренняя вулканическая работа пылкой головы, гуманнаго сердца» (83) не выходила за предѣлы непосредственно-субъективныхъ переживаній Обломова. Самое большее, если «онъ, движимый нравственною силой, въ одну минуту быстро измѣнить двѣ-три позы, съ блистаю-

щими глазами привстанеть до половины на постели, протянет руку и вдохновенно озирается кругомъ»... (81). Тѣмъ не менѣе мы должны отмѣтить его возвышенное, идеалистическое настроеніе. «Въ душѣ у него теплилась вѣра въ дружбу, въ любовь, въ людскую честь, и сколько ни ошибался онъ въ людяхъ, сколько бы ни ошибся еще, страдало его сердце, но ни разу не пошатнулось основаніе добра и вѣры въ него» (т. II, ч. II, 163 стр.). Итакъ, покой, какъ основная форма жизни, наслажденіе, какъ цѣль и содержаніе ея, отсутствіе труда, какъ слѣдствіе крѣпостного права, идеалистическіе помыслы и порывы, какъ сильная дань нравственнымъ запросомъ души, — вотъ составные элементы Обломовскаго идеала личнаго счастья...

Понятно поэтому, почему Обломовъ такъ несочувственно относится къ чиновничьей службѣ, литературной дѣятельности, свѣтской жизни. Вотъ его размышленія о чиновникѣ-карьеристѣ Судьбинскомъ: «И слѣпъ, и глухъ, и нѣмъ для всего остального въ мірѣ! А выйдетъ въ люди, будетъ современемъ ворочать дѣлами и чиновъ нахватаетъ... У насъ это называется тоже карьерой! А какъ мало тутъ человѣка-то нужно: ума его, воли, чувства — зачѣмъ это? Роскошь! И проживаетъ свой вѣкъ, и не пошевелится въ немъ многое, многое... А между тѣмъ работаетъ съ двѣнадцати до пяти въ канцеляріи, съ восьми до двѣнадцати дома — несчастный!» (т. II, ч. I, стр. 27).

Такимъ образомъ, дѣятельность чиновника вызываетъ осужденіе Обломову потому, что она не даетъ простора высшимъ сторонамъ чело-вѣческаго духа, придавливая своимъ механическимъ однообразіемъ и мысль, и чувство, и воображеніе человѣка. Повидимому, литературная дѣятельность не заслуживаетъ подобнаго упрека. Но, по мнѣнію Обломова, если взять посредственныхъ представителей литературы, то они мало чѣмъ отличаются отъ чиновниковъ. Литератору приходится «тратить мысль, душу свою на мелочи, мѣнять убѣжденія, торговать умомъ и воображеніемъ, насиловать свою натуру, волноваться, кипѣть, горѣть, не зная покоя и все куда-то двигаться... И все писать, все писать, какъ колесо, какъ машина: пиши завтра, послѣ-завтра; праздникъ придетъ, лѣто настанетъ, — а онъ все пиши. Когда же остановиться и отдохнуть? Несчастный!» (т. I, ч. I, стр. 32). Очевидно, Обломовъ здѣсь имѣетъ въ виду ремесленниковъ литературы, которые лишены настоящаго творческаго таланта, у которыхъ «нѣтъ пониманія жизни» и гуманнаго отношенія къ человѣку, которые «бьются» изъ потѣхи, самолюбія или матеріальнаго расчета. «Вы одной головой хотите писать! говорилъ Обломовъ про такихъ писателей. «Вы думаете, что для мысли не надо сердца? Нѣтъ, она оплодворяется любовью. Протяните руку падшему человѣку, чтобъ под-

нять его, или горько плачете надъ нимъ, если онъ гибнетъ, а не глумитесь. Любите его, помните въ немъ самого себя и обращайтесь съ нимъ, какъ съ собой, — тогда я стану васъ читать и склоню предъ вами голову»... (30—31). Итакъ, усматривая въ литературной дѣятельности фальшь, низменные побужденія, проявленія душевной черствости, Обломовъ не могъ не отнестись отрицательно къ роли писателя, какъ къ чему-то искусственному, противорѣчащему идеалу человѣка и нормѣ жизни.

Еще болѣе отрицательно относился Обломовъ къ представителямъ великосвѣтскаго общества. «Вѣчная бѣготня взапуски, вѣчная игра дрянныхъ срастишекъ, особенно жадности, перебиванья другъ у друга дороги, сплетни, пересуды, щелчки другъ другу, это оглядыванье съ ногъ до головы... Гдѣ же тутъ человѣкъ? Гдѣ его цѣлость? Куда онъ скрылся, какъ размѣнялся на всякую мелочь?» (т. II, ч. II, стр. 30). «Нѣтъ ничего глубокаго, задѣвающаго за живое. Все это мертвецы, спящіе люди, хуже меня, эти члены свѣта и общества!» (31). «Дѣла-то своего нѣтъ, они и разбросались на всѣ стороны, не направились ни на что. Подъ этой всеобъемлемостью кроется пустота, отсутствіе симпатіи ко всему! А избрать скромную трудовую тропинку и итти по ней, прорывать глубокую колею—это скучно, незамѣтно, тамъ всезнаніе не поможетъ, и пыль въ глаза пускать некому» (33). Эта критика свѣтской жизни не лишена мѣткости и глубины, и, повидимому, здѣсь мы имѣемъ дѣло со взглядами не только Обломова, но и самого автора.

Итакъ, мы познакомились съ міровоззрѣніемъ Обломова и убѣдились, что оно представляетъ собою осознаніе и развитіе тѣхъ началъ, которыя были заложены въ его подсознательной сферѣ. Это міровоззрѣніе не могло не отразиться на жизненной судьбѣ Обломова.

Ж и з н е н н а я с у д ь б а О б л о м о в а .

На примѣрахъ Лаврецкаго и Лизы Калитиной мы выяснили, что развитіе индивидуальнаго сознанія на протяженіи цѣлой человѣческой жизни проходитъ черезъ три ступени: 1) формированіе подсознательной сферы, въ которой элементы ума, воли и чувства находятся въ состояніи сращенности или слабой расчлененности (психологическій синкретизмъ); 2) уясненіе и упорядочиваніе данныхъ подсознательнаго опыта, т.-е. выработка жизненнаго міровоззрѣнія и 3) осуществленіе его во внѣшнемъ мірѣ. По преобладающему характеру психическихъ процессовъ первый періодъ можно назвать стихійнымъ, непосредственно-субъективнымъ, инстинктивнымъ; во второмъ — выступаетъ на первый планъ интеллектуальная работа, процессъ рефлексіи, умственнаго анализа и

синтеза, теоретической ориентировки; наконецъ, третій періодъ характеризуется проявленіемъ воли во внѣшнемъ дѣйствіи, объективнымъ творчествомъ, практической работой. Эти моменты, конечно, не всегда бывають рѣзко отграничены другъ отъ друга. Расплывчатость психологическихъ границъ даетъ себя чувствовать особенно у тѣхъ натуръ, которыя не обнаруживаютъ напряженной и дѣятельной душевной жизни. Къ числу такихъ натуръ принадлежитъ Обломовъ. Первый періодъ психическаго развитія у него, въ сущности, растянулся на всю жизнь и тѣмъ самымъ замутилъ, сдѣлалъ менѣе явственными очертанія и характеръ двухъ другихъ періодовъ. Его лѣнивая мысль слабо работала надъ процессомъ выявленія и упорядоченія подсознательнаго опыта и, еле поспѣвая за событіями дѣйствительной жизни, не могла во-время осмыслить ихъ и подчинить своему сознательному руководству. Вслѣдствіе этого Обломовъ сталъ игрушкой во власти самопроизвольныхъ подсознательныхъ теченій и независимыхъ отъ него внѣшнихъ силъ, мощно направлявшихъ его жизнь по своему руслу и тѣмъ самымъ придававшихъ ей характеръ чистости и стихійнаго процесса.

Внѣшними силами, оказавшими могущественное вліяніе на Обломова, были Штольць, Ольга Ильинская и Агаѣя Матвѣвна Пшеницына.

Вліяніе Штольца и Ольги рѣзко противорѣчило внушеніямъ всей подсознательной сферы Обломова и потому, несмотря на видимый успѣхъ въ первое время, было обречено въ концѣ концовъ на полную неудачу. Напротивъ, Агаѣя Матвѣвна, помимо своей воли и намѣренія, сыграла гораздо болѣе крупную роль въ жизненной судьбѣ Обломова, потому что вполне соответствовала его подсознательнымъ запросамъ. Штольць энергично старался вывести Обломова изъ того состоянія апатіи, дремоты и вѣчнаго лежанія, которое было для него не случайностью, а вполне «нормальнымъ состояніемъ» (т. I, ч. I, стр. 3). Бросивъ службу и свѣтское общество, прекративъ почти всѣ сношенія съ внѣшнимъ міромъ, Обломовъ, однако, не чувствовалъ себя вполне удовлетвореннымъ. Иногда въ душѣ его возникало «живое и ясное представленіе о человѣческой судьбѣ и назначеніи» и «мелькала параллель между этимъ назначеніемъ и собственной его жизнью». Въ такія минуты «ему грустно и больно становилось за свою неразвитость, остановку въ ростѣ нравственныхъ силъ, за тяжесть, мѣшающую всему; и зависть грызла его, что другіе такъ полно и широко живутъ, а у него какъ-будто тяжелый камень брошенъ на узкой и жалкой тропѣ его существованія». Онъ чувствовалъ, «что многія стороны его натуры не пробуждались совсѣмъ, другія были чуть-чуть тронуты, и ни

одна не разработана до конца», «что въ немъ зарыто, какъ въ могилѣ, какое-то хорошее, свѣтлое начало, можетъ быть, теперь уже умершее, или лежитъ оно, какъ золото въ нѣдрахъ горы, и давно бы пора этому золоту быть ходячей монетой» (т. I, ч. I, стр. 122—3). Штольць старался пробудить нравственное сознание Обломова, напоминая ему о его прежнихъ мечтахъ посвятить свою жизнь «безвѣстному, темному, но непрерывному труду и умереть съ сознаниемъ, что сдѣлалъ свое дѣло» (т. I, ч. 2, стр. 41). «Вся жизнь есть мысль и трудъ», твердилъ когда-то въ юности Обломовъ. Штольць предполагалъ увести Обломова сначала за границу, потомъ въ деревню: «похудѣешь немного, перестанешь хандрить, а тамъ съедемъ и дѣло»... (46), говорилъ ему Штольць. Однако попытка заинтересовать Обломова свѣтской жизнью окончилась неудачей. «Не нравится мнѣ ваша петербургская жизнь», говорилъ Обломовъ (30). «Это какая-то кузница, не жизнь; тутъ вѣчно пламя, трескотня, жаръ, шумъ»... (49). Очевидно, что никакія новыя внѣшнія формы жизни не могли привиться Обломову, если не находили прочной поддержки во внутренемъ его мірѣ, въ подсознательномъ «я».

Болѣе дѣйствительнымъ оказалось вліяніе Ольги на Обломова: она затронула не только его умъ и нравственное сознание, но глубоко проникла въ область его чувства и вызвала энергичное броженіе въ его подсознательной сферѣ. Такой успѣхъ объясняется той могущественной ролью, какую сыграла въ жизни Обломова его любовь къ Ольгѣ. Это чувство сразу охватило душу Обломова и приняло тотъ характеръ восторженнаго упоенія и страсти, который такъ противорѣчитъ идеалу Обломова. «Передъ вами сумасшедшій, зараженный страстью!» говорилъ онъ Ольгѣ (ч. II, стр. 127). «А вы такъ ровны, покойны; и если пройдутъ сутки, двое, и я не услышу отъ васъ «люблю»... здѣсь начинается тревога... Онъ указалъ на сердце». Подъ вліяніемъ любви вся душевная жизнь Обломова приняла необычайный для нея характеръ напряженія и движенія. Ольга поставила своей задачей пересоздать Обломова, «возвратить его къ жизни, спасти нравственно погибающій умъ, душу» (74). «Она преслѣдовала малѣйшую тѣнь сонливости даже у него на лицѣ. Она спрашивала не только, что онъ дѣлаетъ, но и что будетъ дѣлать. Еще сильнѣе, нежели отъ упрековъ, просыпались въ немъ бодрость, когда онъ замѣчалъ, что отъ его усталости уставала и она, дѣлалась небрежною, холодною. Тогда въ немъ появлялась лихорадка жизни, силъ, дѣятельности, и тѣнь исчезала опять, и симпатія била опять сильнымъ и яснымъ ключомъ» (120).

Она «отважно напоминала ему цѣль жизни и обязанности и строго требовала движенія, безпрестанно вызывала

наружу его умъ, то запутывая его въ тонкій, жизненный знакомый ей вопросъ, то сама шла къ нему съ вопросомъ о чемъ-нибудь неясномъ, недоступномъ ей. И онъ бился, ломалъ голову, изворачивался, чтобъ не упасть тяжело въ ея глазахъ» (120). Онъ «спѣшилъ предстать предъ ней во всеоружіи страсти, показать ей весь блескъ и всю силу огня, который пожиралъ его душу» (128). Ольга не только усилила темпъ душевной жизни Обломова, но и внесла въ нее новые идеалы. «Жизнь — долгъ, обязанность, слѣдовательно, любовь тоже долгъ», говорила Ольга. Обломовъ поддался этимъ новымъ взглядамъ. «Да, нельзя жить, какъ хочется — это ясно», размышлялъ онъ. «Вчера пожелалъ, сегодня достигаешь желаемого страстно, до изнеможенія, а послѣ-завтра краснѣешь, что пожелалъ, потомъ клянeshь жизнь, зачѣмъ исполнилось, вѣдь вотъ что выходитъ отъ самостоятельнаго и дерзкаго шаганія въ жизни, отъ своевольнаго «хочу». Кто выдумалъ, что жизнь — счастье наслажденіе? Безумцы!» (ч. II, стр. 130).

Но вліяніе Ольги не могло быть прочнымъ и устойчивымъ: слишкомъ ужъ оно шло вразрѣзъ съ характеромъ и всѣмъ строемъ подсознательной сферы Обломова. Непрерывное душевное напряженіе, постоянно-приподнятое состояніе, вызванное любовью, стало въ концѣ концовъ утомлять Обломова и тяготить его. Но онъ не отдавалъ себѣ въ этомъ яснаго отчета и лишь инстинктивно стремился снять съ своей души давившее ее бремя. «Ахъ, если бъ испытывать только эту теплоту любви, да не испытывать ея тревогъ!» мечталъ онъ. «Нѣтъ, жизнь трогаешь, куда ни уйди, такъ и жжетъ! Сколько новаго движенія вдругъ втѣснилось въ нее, занятій! Любовь — претрудная школа жизни!» (117). «А я думалъ, что любовь, какъ знойный полдень, повиснетъ надъ любящимися, и ничто не двинется и не дохнетъ въ ея атмосферѣ: и въ любви нѣтъ покоя, и она движется куда-то впередъ, впередъ»... (153).

Не успѣвъ еще испытать всѣхъ восторговъ любви, Обломовъ дѣлаетъ попытку порвать отношенія съ Ольгой, сбросить «грузъ» (137) съ души. Онъ приходилъ къ мысли, что чувство къ нему Ольги есть не настоящая, подлинная любовь, а лишь «предчувствіе любви», «приготовленіе къ любви, опытъ» (132), «безсознательная потребность любить, которая, за недостаткомъ настоящей пищи, за отсутствіемъ огня, горитъ фальшивымъ, негрѣющимъ свѣтомъ» (134). Ему казалось, что онъ подвернулся случайно, ошибкой, что, сближаясь съ Ольгой, онъ покищаетъ чужое. Въ порывѣ благороднаго великодушія Обломовъ считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ предостеречь Ольгу отъ опаснаго шага. Не отрицая безкорыстной тревоги Обломова за счастье Ольги, необходимо все-таки сказать, что въ глу-

бинъ его души помимо его сознанія гораздо сильнѣе говорило чувство самосохраненія. Въ письмѣ къ Ольгѣ оно проявилось довольно замѣтно. «Я сталъ болень любовью», говоритъ о себѣ Обломовъ, «почувствовалъ симптомы страсти». «Любовь дѣлаетъ неимовѣрные успѣхи, это душевный антоновъ огонь. И теперъ я уже ни на что не похожъ, не считаю часы и минуты, не знаю восхожденія и захожденія солнца, а считаю: видѣлъ — не видѣлъ, увижу — не увижу, приходила — не пришла, придетъ... Все это къ лицу молодости, которая легко переноситъ и пріятныя и непріятныя волненія; а мнѣ къ лицу покой, хотя скучный, сонный, но онъ знакомъ мнѣ; а съ бурями я не управляюсь» (136). Но не только сомнѣнія въ истинности и силѣ чувства Ольги, не только утомленіе непривычнымъ напряженіемъ душевной жизни, но и внѣшняя, практическая сторона дѣла не мало смущала Обломова и парализовала его волю. Бесѣдуя съ Захаромъ о томъ, что такое свадьба и женихъ, Обломовъ говорилъ: «Ты ѣзди каждый день, какъ окаянный, съ утра къ невѣстѣ, да все въ палевыхъ перчаткахъ, чтобъ у тебя платье съ иголки было, чтобъ ты не глядѣлъ скучно, чтобъ не пиль, не ѣль, какъ слѣдуетъ, обстоятельно, а такъ, вѣтромъ бы жилъ да букетами! Это мѣсяца три, четыре! Видишь! Такъ какъ же я-то могу?.. А издержки какія?.. А квартира гдѣ?» (48—9 стр., ч. III). Онъ самъ пришелъ въ ужасъ отъ этой безотрадной картины (50). Подъ вліяніемъ указанныхъ причинъ Обломовъ сталъ избѣгать свиданій съ Ольгой, пока, наконецъ, сама Ольга не поняла, въ чемъ дѣло, и не оборвала своихъ отношеній съ женихомъ.

Такое крушеніе всѣхъ надеждъ Ольги на возрожденіе Обломова не заключало въ себѣ ничего случайнаго и страннаго; напротивъ, оно было неизбежно, какъ слѣдствіе внутренней природы Обломова, его подсознательнаго «я». Въ такой же мѣрѣ необходимо было сближеніе Обломова съ Агаѳею Матвѣвной, такъ какъ она вполне соотвѣтствовала всѣмъ его подсознательнымъ влеченіямъ и запросамъ. Ольга любила не самаго Обломова, а свою мечту о немъ, «будущаго Обломова». «Я любила въ тебѣ то, говорила она ему, что я хотѣла, чтобъ было въ тебѣ, что указалъ мнѣ Штольцъ, что мы выдумали съ нимъ» (ч. III, стр. 112). Поэтому она постоянно его тормозила, ставила ему опредѣленные задачи, заставляла его дѣлать непрерывныя усилія въ стремленіи достигнуть намѣченнаго идеала... Наоборотъ Агаѳья Матвѣвна полюбила самого Обломова безъ всякихъ оговорокъ, заднихъ мыслей и условій, — такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. «Никакихъ понуканій, никакихъ требованій не предъявляетъ Агаѳья Матвѣвна. И у него не рождается никакихъ самолюбивыхъ желаній,

позывовъ, стремленій на подвиги, мучительныхъ терзаній о томъ, что уходитъ время, что гибнуть его силы, что ничего не сдѣлалъ онъ, ни зла ни добра, что празденъ онъ и не живетъ, а прозябаеть. Его какъ-будто невидимая рука посадила, какъ драгоцѣнное растеніе, въ тѣнь отъ жара, подъ кровъ отъ дождя, и ухаживаетъ за нимъ, лелѣеть» (ч. IV, стр. 16). Такимъ образомъ, Обломовъ почувствовалъ возможность быть самимъ собой, не дѣлать никакихъ усилій, никуда не тянуться.

Кромѣ того, самое чувство, которое возникло въ душѣ Агаѣи Матвѣевны и Обломова, свободно было отъ всякаго элемента безпокойства, тревоги, страсти. Оно не вносило никакого потрясенія въ душевный обиходъ, не вторгалось въ него острымъ, болѣзненнымъ клиномъ, не притягивало къ себѣ преимущественнаго вниманія, не стѣсняло другихъ душевныхъ проявленій. «Она не знала, что съ ней дѣлается, — никогда не спрашивала себя, а перешла подъ это сладостное иго безусловно, безъ сопротивленій и увлеченій, безъ трепета, безъ страсти, безъ смутныхъ предчувствій, томленій, безъ игры и музыки нервъ.. Это какъ-то легло на нее само собой, и она подошла точно подъ тучу, не пятясь назадъ и не забѣгая впередъ, а полюбила Обломова просто, какъ-будто простудилась и схватила неизлѣчимую лихорадку» (ч. IV, стр. 11). Точно такое же чувство переживалъ и Обломовъ. «Онъ сближался съ Агаѣей Матвѣевной, какъ-будто подвигался къ огню, отъ котораго становится все теплѣе и теплѣе, но котораго любить нельзя» (15). Ни Обломовъ ни Агаѣя Матвѣевна не отдавали себѣ яснаго отчета въ своихъ чувствахъ другъ другу. «У Обломова не были открыты глаза на настоящее свойство ея отношеній къ нему, и онъ продолжалъ принимать это за характеръ. И чувство Пшеницыной, такое нормальное, естественное, безкорыстное, оставалось тайною для Обломова, для окружающихъ ее и для нея самой» (14). «Для него въ Агаѣѣ Матвѣевнѣ восплощался идеаль того необозримаго, какъ океанъ, и ненарушимаго покоя жизни, картина котораго неизгладимо легла на его душу въ дѣтствѣ подъ отеческой кровлей» (14). Онъ былъ вполне счастливъ съ Агаѣей Матвѣевной. «Вглядываясь, вдумываясь въ свой бытъ и все болѣе и болѣе обживаясь въ немъ, онъ, наконецъ, рѣшилъ, что ему некуда больше итти, нечего искать, что идеаль его жизни о с у щ е с т в и л с я». Онъ смотрѣлъ на настоящій свой бытъ, какъ на продолженіе того же обломовскаго существованія. И здѣсь, какъ въ Обломовкѣ, ему удалось дешево отдѣлываться отъ жизни, выторговать у ней и застраховать себѣ невозмутимый покой» (135). «Какъ

тамъ отецъ его, дѣдъ, дѣти, внучата и гости сидѣли или лежали въ лѣнливомъ покоѣ, зная, что есть въ домѣ вѣчно — ходящее около нихъ и промысляющее око и непокладныя руки, которыя обошьютъ ихъ, накормятъ, напоятъ, одѣнутъ и обуютъ и спать положить, а при смерти закроютъ имъ глаза, такъ и тутъ Обломовъ, сидя и не трогаясь съ дивана, видѣлъ, что что-то движется живое и проворное въ его пользу, и что не взойдетъ завтра солнце, застелютъ небо вихри, понесется бурный вѣтеръ, а супъ и жаркое явятся у него на столѣ, а бѣлье его будетъ чисто и свѣжо, а паутина снята со стѣны, и онъ не узнаетъ, какъ это сдѣлается, не дастъ себѣ труда подумать, что ему хочется, и оно будетъ угадано и принесено ему подъ носъ» (15). «Съ лѣтами волненія и раскаяніе являлись рѣже, и онъ тихо и постепенно укладывался въ простой и широкой гробъ остального своего существованія, сдѣланный собственными руками, какъ старцы пустынные, которые, отворотясь отъ жизни, копаютъ себѣ могилу» (ч. II, стр. 136). Наконецъ, «вѣчный покой, вѣчная тишина, лѣнливое переползаніе изо дня въ день тихо остановили машину жизни» (151 стр.).

Такимъ образомъ, та программа жизни, тотъ идеаль личнаго счастья, которые были выработаны сначала въ подсознательной сферѣ Обломова и формулированы затѣмъ, какъ сознательное жизнепониманіе, — получили полное осуществленіе въ жизненной судьбѣ Обломова.

Произведенный выше анализъ литературныхъ типовъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что подсознательная сфера является могущественнымъ факторомъ въ жизни человѣка. Мы видѣли, что все міровоззрѣніе человѣка, его общественно-политическіе, религіозно-нравственные взгляды, — строятся на подсознательной почвѣ. Но не только содержаніе и направленіе умственной жизни въ значительной мѣрѣ опредѣляются подсознательнымъ факторомъ; то же можно сказать о характерѣ чувствъ и влеченій человѣка, о самыхъ глубокихъ и задушевныхъ его переживаніяхъ, настроеніяхъ и порывахъ. Любовь и связанное съ ней личное счастье, жизненные идеалы и практическая дѣятельность — развиваются и протекаютъ въ тѣсной связи съ внушеніями подсознательнаго опыта.

Въ виду огромной важности подсознательныхъ началъ въ душевной жизни человѣка получаютъ особенное значеніе тѣ условія, среди которыхъ эти начала закладываются и организуются, т. е. условія первоначальнаго воспитанія и дѣтства. Но не надо думать, чтобы внѣшняя обстановка въ широкомъ смыслѣ этого слова всецѣло опредѣляла собой подсознательную сферу человѣка. Несомнѣнно, въ

основѣ каждой человѣческой личности есть свое изначальное ядро, свое подсознательное «я», которое вполне своеобразно реагируетъ на внѣшнія вліянія, извлекая изъ окружающей среды подходящій для себя питательный матеріаль. Человѣческая личность не есть *tabula rasa*, но живой, творчески-самодѣятельный организмъ, который въ себѣ самомъ, въ своей внутренней природѣ заключаетъ движущіе элементы и законы своего развитія. На такомъ выводѣ сходятся крупнѣйшіе представители волюнтаристической психологіи и художественной литературы.

П. Шабліовскій.